

◆ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ◆ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 46/47

12/19 декабря 1928 г.

№ 46/47

По постановлению Коллегии НКЮ РСФСР VI Съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР созывается в г. Москве 20 февр. 1929 г.

К нашему съезду

Созываемому в феврале текущего года VI съезду судебных, прокурорских и следственных работников РСФСР предстоит обсудить несколько основных и принципиальных вопросов нашей текущей практики, правильное разрешение которых поможет органам юстиции сделать крупный шаг вперед по пути проведения в жизнь директив, данных нам XV Съездом нашей Партии, последовавшими за ним пленумами Центрального Комитета, в частности, ноябрьским пленумом Центрального Комитета и постановлением Правительства РСФСР.

Съезды деятелей юстиции созываются, к сожалению, далеко не часто. Достаточно указать, что последний съезд имел место почти пять лет тому назад, в марте 1924 года. Правда, за истекший период происходили некоторые совещания, как-то: совещания прокуратуры, совещания наркомов юстиции автономных республик, но эти совещания не охватывали всей нашей территории, во-первых, и во-вторых, что самое главное, они не ставили перед собой на разрешение больших вопросов, которые касались бы всей работы органов юстиции. Мы не склонны в настоящей статье входить в рассмотрение тех причин, в результате которых образовался такой чрезмерно большой разрыв между нашими съездами. Мы ставим себе сейчас задачу другую—показать, в какой мере увязана повестка съезда, намеченная Коллегией НКЮ и напечатанная в «ЕСЮ» № 36—37 от 30 сентября—7 октября 1928 г., с основными директивами, которые даны нам Партией и Правительством, для того, чтобы в максимальной степени привлечь к этому съезду внимание всей нашей советской и партийной общественности, ибо без ее содействия немисливо правильное разрешение тех глубоко политических и организационных вопросов, которые стоят перед работниками юстиции, и на которые во что бы то ни стало необходимо дать ясный и точный ответ.

Некоторые из наших товарищей, и не только из круга работников юстиции, неправильно поняли ту критику, которой мы подверглись на XV Партийном Съезде. XV Партийный съезд специальной резолюции по вопросу о революционной законности и о работе органов юстиции, как известно, не принимал, и ограничился только тем, что в п. 14 резолюции по докладу ЦКК РКК поручил «всем партийным организациям обеспечить улучшение и расширение работы органов суда в области борьбы с бюрократизмом»... Но на съезде было произнесено несколько речей, подчеркнувших крупнейшие недостатки нашей работы. Необходимо, однако, прежде чем мы об этих недостатках

будем говорить, со всей резкостью подчеркнуть, что ни в одной из этих речей не только не был поставлен вопрос о том, нужна ли нам или не нужна революционная законность, но даже не ставился ни в малой степени вопрос об ослаблении нашей борьбы за революционную законность. На съезде произносились речи против бездушного формализма, против никому ненужной формальности, которая временами затмевает собой живое содержание; на съезде выступали против того, что мы годами тянем дела, что мы слишком много людей тянем в суд; против этого резко выступали многие из наших авторитетных товарищей. Но ни один из них не выступал против революционной законности. На съезде требовали от нас ускорения производства судебного процесса, требовали, чтобы мы быстрее и решительнее, чем до сих пор, вели следствие и судебный процесс. Вот эти основные недостатки нашей работы имел в виду XV Партийный съезд. Съезд говорил о необходимости упрощения нашего аппарата, о необходимости борьбы с сутяжничеством, о громадном заторе дел, который создан этим сутяжничеством,—но никто на съезде не выступал против законности. Наоборот, можно смело сказать, что весь съезд разделял ту мысль, что защищать законность безусловно необходимо. На съезде цитировались слова Владимира Ильича насчет того, что без хорошего выполнения законов, без проверки выполнения законов, мы нашей машины (имелся в виду весь государственный аппарат) не улучшим. Съезд, целиком разделяя мысль, что проводить революционную законность, безусловно, необходимо, однако, совершенно отчетливо указал, что у нас на практике защита законности иногда превращается в буквоедство, что наша законность должна быть связана непосредственно с требованиями жизни, с жизненной целесообразностью. На XV Партийном съезде говорили о том, что в работе наших органов юстиции не должна царить только буква закона, что, кроме этой буквы закона, должно быть революционное пролетарское чутье, и упрекали нас в том, что в нашей практике иногда закон выше всего.

Вот об этих недостатках советской юстиции говорил Партийный Съезд, и исправления этих именно недостатков он от нас требовал.

Вот под этим углом зрения на XV Партийном Съезде нашими товарищами высказывались пожелания и в области организационных изменений. Указывалось на необходимость того, чтобы в органах юстиции работало определенное количество рабочих, которые были бы в

самой работе теснейшим образом спаяны с нашими советскими юристами, и чтобы низовые партийные организации пополняли наши судебные учреждения партийными рабочими кадрами. В таких организационных мероприятиях съезд видел своего рода гарантию того, чтобы наш советский суд судил так, чтобы его работа всегда приносила пользу нашему пролетарскому государству.

XV Партийный Съезд явно требовал от нас, чтобы мы в нашем судебном-прокурорском аппарате добились того же самого, чего мы должны добиться от всего советского аппарата, а именно, чтобы он стал дешевле, исполнительнее, чтобы он работал более четко, чтобы он был теснее связан с пролетарскими массами, чтобы он работал через массы, не командовал массами, и чтобы наши суды, как это полагается им по основной их функции, вместе с рабочими и крестьянами проводили в жизнь мероприятия Советской власти.

Так ставился вопрос на XV Партийном Съезде.

Перед нами, таким образом, во весь рост встал вопрос о том, как нам добиться полного устранения из практики наших органов юстиции тех недостатков, о которых говорили на XV Партийном Съезде. К сожалению, в отношении того, о каких именно недостатках на съезде шла речь, и какие именно недочеты должны быть устранены, отдельные работники иногда определенно сбиваются с правильной линии, и в результате неправильного понимания тех мыслей, которые на Партийном Съезде высказывались, впадают в явную крайность, и, как недавно правильно отмечалось на страницах «Тихоокеанской Звезды», в связи с производимым этой газетой смотром работы местных органов суда и прокуратуры,— «начинают иногда считать признаком хорошего тона бесцеремонное обращение с законом, что уже ни в какой степени не может быть признано правильным».

На последнем пленуме Центрального Комитета Партии по основному вопросу о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—29 г. в резолюции, принятой по докладу тов. Рыкова 24 ноября 1928 г., мы еще раз получили от Партии директиву по вопросу о революционной законности. Стоит отметить, что на этот раз мы говорим не о речах отдельных лиц, а об официальной резолюции. Что же мы видим в этой резолюции, точнее, в пункте 11 этой резолюции? Этот пункт считает вопрос о революционной законности имеющим ближайшее отношение к вопросу об усилении стимулов нашего хозяйствования и воздействия, в частности, на крестьянское хозяйство. Этот пункт резолюции по докладу тов. Рыкова подчеркивает буквально следующее:

«Без этой последней (т.е. без революционной законности, **Ред.**), без упорядочения и строгого проведения заранее известных населению норм, не может быть уверенности в ведении хозяйства, хозяйственного расчета, индивидуального плана, т.е. не может быть роста производительных сил крестьянского хозяйства».

Резолюция дальше указывает, что сам вопрос о революционной законности не является случайностью в общей нашей политике, ибо «революционная законность вызывается хозяйственной необходимостью».

Таков курс нашей Партии и нашего Правительства за все последние годы.

Нам представляется поэтому совершенно естественным и в высокой степени целесообразным, что тезисы по общеполитическому и организационному отчету Наркомюста, которые приняты были Коллегией и ноябрьским совещанием наших работников, подробно развивают основную политико-хозяйственную установку нашей Партии

и подчеркивают ту мысль, что на суд, прокуратуру и следствие падает большая роль по выполнению тех административно-организационных мероприятий, которые наряду, хотя и во вторую очередь, с экономическим регулированием являются главными, как выражаются тезисы, «методами социалистического преобразования». Поэтому же тезисы подробно знакомят нас с теми задачами, которые в связи с социалистическим строительством, падают именно на органы юстиции. И по тем же соображениям тезисы дают нам ряд ценнейших извлечений из резолюции XV Партийного Съезда.

Наш съезд созывается в феврале 1929 года, т.е. спустя больше года после XV Партийного Съезда, и на первый взгляд могло бы казаться странным, что мы ставим перед съездом вопрос о выполнении требований, выдвинутых больше, чем год тому назад нашей Партией. Тем не менее ни для кого не секрет,—и мы меньше, чем кто бы то ни было, можем это отрицать,— что основные проблемы, намеченные XV Партийным Съездом, основные поручения, которые мы от него получили, до настоящего времени еще не выполнены и, в ряде частей не могли быть выполнены в этот срок. Съезд работников юстиции должен помочь целый ряд вопросов двинуть усиленным темпом вперед. Это отнюдь не значит, что Народным Комиссариатом Юстиции ничего не было сделано для реализации тех директив, которые дал XV Партийный Съезд. Много сделано, но то, что мы сделали в этом направлении, составляет ничтожный процент в сравнении с тем, что мы еще должны сделать.

Лучшее доказательство выставленного нами положения заключается в том, что постановление Правительства, вынесенное 26 марта 1928 г. по специальному докладу НКЮ и НКВД о карательной политике и местах заключения, которое содержит в себе ряд совершенно конкретных указаний относительно того, что надо органам юстиции сделать в ближайшее время, до сих пор выполнено в совершенно недостаточной степени. Если мы проанализируем это постановление пункт за пунктом—и в области непосредственно карательной политики, и в области исправительно-трудовой политики, и в области следственного и судебного процесса,—мы не сможем не прийти к заключению, что и эти поручения, несмотря на всю их конкретность и уже формальную, в данном случае, для нас обязательность, тоже далеко не выполнены, как это вынуждена была недавно признать специальная правительственная комиссия по проверке выполнения постановления Правительства от 26 марта 1928 г. Оказалось, что основная масса наиболее принципиальных требований Правительства до сих пор не реализована.

Мы говорим сейчас об этом вовсе не для того, чтобы искать виновных, но еще меньше и для того, чтобы пытаться с себя сложить ответственность за это невыполнение. Наоборот, мы хотим сказать, что директивы Партийного Съезда и поручения Правительства задевают именно те вопросы нашей текущей практики, которые корнями своими лежат чрезвычайно глубоко, и исправить эту практику можно только посредством большого и коллективного напряжения наших сил.

В большой степени мы упираемся здесь в основной вопрос нашей работы—в вопрос о нашей уголовно-судебной политике или, как принято выражаться, карательной политике. Совокупность всех директив, указанных нами выше, в конечном счете приводит к необходимости коренного изменения нашей карательной политики, а это значит и коренного пересмотра Уголовного Кодекса.

Вопрос об упрощении и ускорении нашего уголовного судопроизводства оказался вопросом о коренном пересмотре основных принципов нашего процесса с точки зрения максимального его упрощения и ускорения, но, разумеется, с сохранением всех необходимых гарантий. Этот вопрос занимает умы наших судебных работников уже в течение нескольких лет; многие отдельные реформы за это время нами были проведены, но совокупность директив Партии и Правительства по этому вопросу заставила нас и здесь посмотреть в корень вещей и поставить вопрос о пересмотре всего процесса и, в связи с этим, о пересмотре УПК.

Неоднократно мы отмечали недостатки нашей, так называемой, пенитенциарной системы, и не один раз уже меняли мы отдельные пункты и статьи правил, регламентирующих наше исправительно-трудовое дело. Но и здесь, как и в вопросе об УК и УПК, директивы Партии и Правительства заставили нас на этот раз поставить под сомнение целый ряд основных принципиальнейших вопросов нашей политики и навели на мысль о необходимости пересмотра всей пенитенциарной политики.

Понятно, что пересмотр УК, пересмотр УПК, пересмотр И.-Т. К.—это такая задача, которая, во-первых, не может быть выполнена в слишком короткий срок, если мы не хотим писать наши кодексы так, чтобы их через год нужно было наново переделывать, и, во-вторых, требует коллективной работы; коллективной работы не только потому, что два ума крепче, чем один, но коллективной потому, что самое существо и содержание тех проектов, которые вырабатываются в Народном Комиссариате Юстиции, должны быть проверены практикой местных работников суда, следствия и прокуратуры.

Постановление Правительства РСФСР от 26 марта 1928 г., принятое во исполнение директив XV Партийного Съезда, и дает специальные указания, касающиеся нашей уголовно-судебной политики, ведения нашего судебного процесса, в смысле его упрощения и ускорения, и нашей пенитенциарной политики. Если мы сейчас еще раз взглянем на повестку VI съезда прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР, мы увидим, что она составлена именно таким образом, чтобы работа съезда могла быть максимально использована Наркомюстом для выполнения директив Партии и Правительства.

Насколько можно судить по тезисам доклада Народного Комиссара Юстиции по отчету НКЮ, докладчик, проанализировав предъявленные к нам Партией и Правительством требования, вытекающие из общей нашей политики и находящиеся в теснейшей связи со всем нашим государственным хозяйственным строительством, укажет, что Народным Комиссариатом Юстиции в этом направлении уже сделано и что предстоит ему в ближайший период выполнить. В этом докладе, несомненно, найдут отражение все основные недостатки и недочеты нашей работы и намечены будут основные методы к их исправлению.

Что дальше намечает опубликованная повестка съезда? Во-первых, вслед за отчетом НКЮ стоит вопрос о пересмотре УК, который должен быть построен таким образом, чтобы он мог служить орудием для изжития тех глубоко отрицательных явлений в области нашей уголовно-судебной политики, которые в достаточно яркой форме нам за последнее время указываются и нашими партийными организациями, и Правительством и в печати; затем вторым вопросом идет обсуждение нового проекта УПК, который своим основным назначением имеет не что иное, как упростить и ускорить процесс уголовного судопроизводства, чтобы оно не тянулось у нас годами,

чтобы следствие и судопроизводство шло быстро и решительно. Именно в интересах упрощения процесса съезд будет обсуждать вопрос о единой форме уголовного процесса для всех судов, начиная от народного и кончая Верховным, вопрос о выделении категории дел, которые народный суд будет рассматривать единолично, вопрос о расширении подсудности народного суда (когда он заседает с народными заседателями), вопрос о недопущении кассационного обжалования по определенной категории мелких правонарушений, вопрос о ведении судебного процесса, о пределах допущения защиты в процессе и пр., Третьим докладом идет доклад об исправительно-трудовой политике. В указанном выше постановлении ВЦИК и СНК РСФСР дано поручение разработать соответствующие мероприятия о действительном использовании принудительных работ и выработать ряд мер, направленных к большему обеспечению реальности вынесенных приговоров как в отношении лишения свободы, так и в отношении других мер социальной защиты; съезду предстоит в связи с этим докладом подвергнуть анализу всю сумму возможных в этом отношении мероприятий.

На съезде будет также сделан доклад о практике применения Гражданского Кодекса, а стало быть, и о недостатках этого Кодекса, поскольку они выявились в практике судебной работы за последние годы.

По отчету НКЮ, по пересмотру Уголовного Кодекса и по вопросу о нашей исправительно-трудовой политике Коллегией НКЮ разработаны тезисы; по Уголовно-Процессуальному Кодексу Коллегия НКЮ вынесла в свое время ряд директивных постановлений, разрешивших основные вопросы процесса, и на основании этих директив поручила специальной комиссии разработать проект. Тезисы Наркомюста по первым трем из только что указанных вопросов, равно как и проект УПК, разработанный комиссией на основе данных Коллегией директив, были обсуждены специальным совещанием краевых, областных и губернских прокуроров и председателей судов совместно с НКЮ некоторых автономных республик, которое происходило в Москве 23—27 ноября с. г. Сейчас мы печатаем в «Е. С. Ю.» эти тезисы в том виде, как они окончательно утверждены Коллегией НКЮ после совещания, и одновременно с этим мы печатаем новый проект УПК так, как он вышел из обсуждения на совещании и затем дополнительно на заседании Коллегии.

Мы уверены, что работники мест подвергнут эти тезисы и проект всестороннему обсуждению на своих съездах и совещаниях, которые будут предшествовать общему съезду работников прокуратуры, суда и следствия нашей Республики.

Само-собой разумеется, что страницы «Еж. Сов. Юст.» широко открыты для обмена мнений по всем вопросам порядка дня съезда.

Совершенно очевидно, что повестка съезда составлена так, что в ближайший период мы сможем приступить к выполнению тех из поручений, полученных от Партии и Правительства, которые до сих пор не выполнены, но которые мы выполнить должны и, которые мы выполнить сумеем после того, как подвергнем все эти вопросы коллективному обсуждению наших работников.

Все эти вопросы, как они ни сложны и ни трудны, при том внимании к ним со стороны партийной и советской общественности, о котором мы писали в начале статьи, несомненно, будут нами правильно разрешены, и этим будет сделан серьезнейший шаг вперед по улучшению всей работы советской юстиции в направлении, указанном Партией и Правительством.

VI Съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1) Отчет Народного Комиссариата Юстиции РСФСР.
Докладчик тов. Янсон.

2) Основные принципы пересмотра Уголовного Кодекса РСФСР.
Докладчик тов. Крыленко.

3) Обсуждение проекта Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР.
Докладчик тов. Бранденбургский.

4) Практика применения Гражданского Кодекса.
Докладчик тов. Стучка.

5) Исправительно-трудовая политика.
Докладчик тов. Траскович.

Основные принципы пересмотра Уголовного Кодекса РСФСР.

(Тезисы и докладу тов. Крыленко на VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР).

Тезис 1-й.

Неудовлетворительность нашей судебной уголовной политики можно считать установленной. Наиболее показательной в этом отношении является резолюция Правительства РСФСР от 26/III—28 года, категорически предлагающая НКЮ изменить курс этой политики в сторону:

а) максимального изжития применения лишения свободы на короткие сроки, особенно в отношении трудящихся;

б) применения длительных сроков лишения свободы лишь в отношении наиболее опасных преступников—либо классовых врагов, либо деклассированных элементов—и только по наиболее опасным преступлениям;

в) установления такой исправительно-трудовой политики, при которой судебные приговоры стали бы реальными.

В отношении случайных преступников из среды трудящихся Правительство, взамен лишения свободы, рекомендовало целый ряд мер общественно-политического воздействия, в частности, предложив в корне реорганизовать нынешнюю постановку принудительных работ, обратив внимание на более широкое применение штрафа, увольнения от должности и других, не связанных с лишением свободы, мер.

В этом направлении с тех пор велась работа Народным Комиссариатом Юстиции.

Тезис 2-й.

Указанные меры, однако, нельзя признать исчерпывающими. Данные статистики мест заключения показали, что, несмотря на то, что в ноябре 1927 года из мест заключения было освобождено до 60.000 человек, в том числе почти все краткосрочные осужденные (кроме рецидивистов), что суды получили категорическое предложение впредь не присуждать к коротким срокам лишения свободы (в августе 1928 года), что издан закон о реформе принудительных работ, тем не менее, нынешнее положение вещей обнаруживает новое переполнение мест заключения (на 1 ноября 1927 года население мест заключения нечислялось приблизительно цифрой в 125 тысяч чело-

век, амнистия 1927 года уменьшила это количество на 60 тысяч, тем не менее, на 1 июля 1928 года цифра населения мест заключения поднялась до 100 тысяч, а на 1-е сентября достигла прежнего уровня—123 тысячи человек (цифры даны главным управлением мест заключения НКВД), при чем сплошь и рядом, опять-таки, имеются осужденные на короткие сроки.

Последнее объясняется:

а) невозможностью для судов по целому ряду преступлений отступить от буквы нынешнего УК, обязательно предписывающего применение лишения свободы за те или иные преступления;

б) неорганизованностью на местах принудительных работ, в силу чего ряд народных судов, как показало обследование мест заключения, вынужден продолжать применять краткосрочное лишение свободы, несмотря на циркуляр НКЮ;

в) практиковавшимся методом в период ударных кампаний реагировать лишением свободы на короткие сроки за маловажные преступления (хулиганство, самогоношение, 107-я ст. и пр.);

г) ростом количества рецидивистов (30% по данным ГУМЗ), как правило по нынешнему УК осужденных также на сравнительно короткие сроки (например, ст. 132 и.п. «б» и «в»).

Отсюда вытекает необходимость переработки Уголовного Кодекса в смысле приспособления его к указанным директивами Правительства. Однако, не только это вызывает необходимость коренной переработки Уголовного Кодекса.

Тезис 3-й.

Ставя своей основной целью борьбу с социально-опасными действиями, нынешний Уголовный Кодекс в основу своей практической политики в качестве руководящей идеи кладет принцип соответствия («эквивалента») репрессий тяжести преступления. Закон определяет заранее по отношению к каждому виду преступлений определенный предел («не ниже» и «до») репрессии и возлагает затем на судей обязанность определить ее конкретную меру в зависимости от указанной «тяжести» (опасности) преступления и от большей или меньшей опасности самого преступника. Одновременно, второй характерной чертой нынешнего Кодекса является назначение им лишения свободы в качестве наиболее соответствующей меры по отношению ко всякому более или менее серьезному преступлению.

Оба этих основных принципа неправильны. Опровергнутой жизнью является практика борьбы с преступностью путем лишения преступников свободы на короткие сроки. Недоказанным является и второе основное положение нынешнего Кодекса о существовании некоей целесообразной зависимости между большей или меньшей тяжестью (опасностью) преступления и сроком лишения свободы преступника. Если не доказано, что простая кража должна влечь за собой лишение свободы до трех месяцев, еще меньше доказанным является, что совершенная повторно она должна влечь за собой лишение свободы на шесть месяцев, а совершенная на вокзале—до одного года, или, если умышленное убийство должно преследоваться лишением свободы до восьми лет, то при убийстве в состоянии аффекта максимальный срок должен быть установлен в пять лет, а при неосторожном убийстве—в три года. Критерий борьбы с социальной опасностью здесь уже целиком подменен критерием «возмездия» и «справедливого воздаяния», и вопрос о це-

лесообразности самой репрессии (лишения свободы—за неосторожное убийство?) отступил на второй план.

Тезис 4-й.

Между тем, именно задачу возмездия и кары отрицает Общая Часть УК. «Кара», «показание», как причина данному преступнику физических или моральных страданий или материального ущерба в «отместку» за проявленную им «злую волю», отрицается Общей Частью УК полностью и целиком.

Не спасает положения и не оправдывает теории «соответствия» и другая попытка ее обоснования соображением, что при таком построении УК преступники и третьи лица, опасаясь более тяжелой кары, будут предпочитать совершение более мелких преступлений (например, воры будут предпочитать совершать простые кражи вместо квалифицированных, и т. д.). Нежизненность такого обоснования очевидна сама собой.

Между тем, именно построению практической части УК на основе пропорциональности судебной репрессии мы обязаны в громадной степени теми отрицательными практическими результатами нашей политики, которые констатированы в резолюции Правительства.

В полном соответствии с нынешними общераспространенными воззрениями о целесообразности применения лишения свободы даже за маловажные преступления, суды отмеривали лишение свободы на короткие сроки, как единственное соответствующее «воздаяние», и уже в силу одной многочисленности этих проступков места заключения оказались переполненными именно краткосрочными. Лишь побочными причинами, еще более усугубившими этот итог, явились имевшие место за истекшие годы указания Правительства о снижении, в целях общего смягчения уголовно-судебной политики, минимальных сроков лишения свободы и неорганизованность на местах принудительных работ. В полной мере, однако, остались имеющими силу и ничем не оправдываемыми те же противоречия в отношении приговоров к длительным срокам лишения свободы.

Все это вместе взятое заставляет поставить сейчас пересмотр УК как задачу двоякого рода: а) борьбы с нынешними изъянами уголовно-судебной политики и с общераспространенными воззрениями на порядок применения лишения свободы и б) построения УК на принципах, более отвечающих практическим потребностям социалистического строительства и основным предпосылкам пролетарского революционного мирозозерцания (марксизма).

Тезис 5-й.

Для внесения наибольшей ясности в вопрос о правильных принципах построения Уголовного Кодекса необходимо установить предварительно ряд следующих основных положений:

1. Исходя из основных воззрений марксизма на преступность, как на результат социального неустройства, господствующего во всяком классовом (в том числе и в СССР) обществе, при наличии еще не изжитого экономического неравенства, должна быть отвергнута, как метод построения практической политики, как теория возмездия (мести и наказания) отдельному лицу со стороны государства за совершенные этим лицом преступления, так и построения системы уголовной политики на принципе эквивалентности «вины» ли и «наказания» или «репрессии» и «содеянного»—безразлично, с вытекающей отсюда обязанностью судей по совести определять

«сколько нужно дать» такому-то преступнику за такое-то преступление. Теория моральной вины, «злой воли» и соответствующего «возмездия» не может лежать в основе пролетарской практической политики.

2. Разоблачая лицемерную ложь буржуазного классового общества о, якобы, надклассовых задачах их уголовной политики, в основу своей практической уголовной политики пролетарский Уголовный Кодекс в период диктатуры пролетариата может положить лишь одну идею—идею самозащиты государства и общества от преступлений, понимая под этим классовую самозащиту пролетарского общества от его классовых врагов и неустойчивых элементов из среды самих трудящихся. Нейтрализация преступных элементов, вплоть до физического уничтожения наиболее вредных из них, и приспособление к условиям трудового общежития способных к такому приспособлению должны явиться, с этой точки зрения, основными методами борьбы с преступностью.

3. Одновременно пролетарская теория уголовной политики должна резко отграничить себя от тех теорий уголовного права, которые исправление преступника считают основным и универсальным методом борьбы с преступностью. Забывая объективные условия, порождающие преступность и преступные навыки, эти теории считают возможным задачу исправления ставить по отношению к каждому преступнику. Между тем, эта задача должна ставиться лишь как подсобная, вспомогательная, т. к. успешное ее применение возможно лишь к правонарушителям из среды пролетариата и социально-близких ему слоев. Только уничтожение классового строения общества, согласно марксистской теории, ликвидирует преступность полностью и целиком.

4. Не менее существенную поправку должна внести в так называемую теорию «общего предупреждения», придающую большое значение устрашающему («чтоб другим поповадно было») и общественно-воспитывающему влиянию судебных приговоров. На этой теории строится между прочим некоторыми теоретиками оправдание системы пропорциональности репрессии «содеянному» (см. выше).

Признавая определенное и большое значение за репрессией, как методом прямого подавления классового врага, пролетарское уголовное право не может устрашение класть в основу своей практической политики. Оказывая определенное, ограниченное, однако, во времени, воздействие на окружающую среду, само по себе устрашение при отсутствии других сдерживающих стимулов не является ни универсальным, ни даже достаточно эффективным средством борьбы с преступностью. Точно также и общественно-воспитывающее действие судебных приговоров, как в смысле пропаганды идей нового быта и новых взаимоотношений людей в трудовом общежитии, так и в смысле воспитания большего чувства ответственности за нарушение трудовой и иной дисциплины, пролетарская уголовная политика признает, как метод воздействия, лишь в отношении рабочего класса и близких к нему социальных слоев.

Всякая переоценка «устрашения» и задач общего предупреждения, как и задач «исправления», должна быть признана и ненаучной и практически ошибочной.

Указанные основные положения и должны лечь в основу построения нового Уголовного Кодекса.

Тезис 6-й.

Практическими директивами для построения нового Кодекса поэтому должны явиться следующие:

1) принцип дозирования репрессии, как основанный на идеях «возмездия» и «справедливого наказания», должен быть отвергнут в корне; вместе с тем должна быть отвергнута вся система построения Кодекса на основе статей, где против каждой статьи в так называемой «карательной санкции» указан размер допустимой соответствующей репрессии;

2) вместо этого и в соответствии с основной идеей самозащиты пролетарского общества от опасных для него преступных элементов должны быть установлены три основных метода такой самообороны, в соответствии с тремя основными категориями преступников, различающихся по степени их социальной опасности:

а) физическое уничтожение (расстрел) должно быть признано мерой, подлежащей применению лишь в отношении наиболее опасных классовых врагов и систематических дезорганизаторов трудового общества. Доказанность их безусловной опасности должна быть признана в этом отношении основным критерием для применения этой меры. Ее применение должно быть обставлено особыми ограничительными гарантиями;

б) изоляция, в ее различных формах, должна быть признана основным методом самообороны пролетарского общества в отношении всех остальных преступников (кроме подпадающих под пункт «а»), чья непригодность и опасность для пребывания в среде трудящихся, равным образом, представляется доказанной. Приговоры к изоляции, как правило, не должны, однако, влечь за собой изоляции на этот или иной, точный, определенный и заранее фиксированный срок. Неопределенные приговоры с некоторым обязательным для отбывания единым минимальным сроком и предоставлением суду факультативного права продления этого срока, пока не будут установлены обстоятельства, нейтрализующие социальную опасность данного лица (в его личной психологии или окружающей обстановке), должны быть признаны практическим методом такого изолирования. Направление этих лиц, как правило, после освобождения в особые местности на такой же установленный законом единый срок, где они должны быть использованы для общественно-необходимого труда, при чем дополнительно и после отбытия этого срока им может быть запрещено на тот же срок возвращение в тот социальный коллектив (город, деревня, район), из которого они изъаты, только такая постановка изоляции создает из нее действительно реальную меру репрессии, достигающую и непосредственную цель нейтрализации данного опасного субъекта и способность действовать, как устрашающий стимул. Всякие исключения из этого правила должны быть поэтому строго регламентированы. В соответствии, однако, с достаточной суровостью этой меры, количественный перечень преступлений, дающих основание к применению такого метода изоляции, должен быть соответственным образом ограничен;

в) категория широко разработанных мероприятий общественно-воспитательного характера в отношении всех остальных правонарушителей, но не обнаруживших при этом ни особой опасности, ни особой злобности, с соединением, в зависимости от характера преступления, с рядом ограничительных, подчас даже суровых мер, предупреждающих возможность вторичного преступления и определению воздействующих на психологию совершителя и окружающих,—должна быть, наконец, третьим методом уголовно-судебной политики пролетарского государства. Этот последний метод должен заменить собой полностью нынешнее краткосрочное лишение свободы, применяемое, как «наказание», и нынешние опыты исправ-

тельно-трудового «воздействия» на преступника путем его заключения в места лишения свободы;

3) соответственная реформа исправительно-трудового дела, при которой широко поставленный и действенный контроль рабоче-крестьянской общественности мог бы варьировать различные мероприятия по отношению к осужденным, смягчая в определенных пределах примененные к ним меры репрессии, помогая стать на пути тем из них, которые обнаружили в достаточной мере объективные данные к исправлению, «приспосабливая их», — как говорили еще «Руководящие Начала 1919 г.», — «к условиям нового общежития трудящихся», должна явиться необходимым дополнением к работе наших судов и вторым актом мероприятий пролетарского государства по отношению к изолированным от общества социально-опасным или случайно впадшим в преступление элементам. Конечно, эти видоизменения уже принятых мероприятий отнюдь не должны, в особенности к осужденным за социально-опасные действия, ни переходить в их полное аннулирование, ни применяться вне соответствия с первоначально-принятыми мерами репрессии. Ряд ограничительных условий в виде запрещения применения этих мероприятий до определенного срока или установления строгой последовательности в применении смягчающих мероприятий, при обеспечении единства руководства судебной и исправительно-трудовой политикой, явится в этом отношении соответствующей гарантией.

Тезис 7-й.

Наиболее целесообразным, в соответствии с изложенным, был бы следующий порядок построения Уголовного Кодекса:

Общая Часть, излагающая основные начала применения уголовной политики по отношению к каждому преступнику, должна быть сохранена, при чем более выпукло в ней должны быть отражены основные воззрения на преступление, условия и причины, его порождающие, и право суда на возможно большее судебское усмотрение в применении мер социальной защиты, в зависимости от конкретного характера личности и самого преступления.

Вместе с тем, нынешняя Общая Часть Уголовного Кодекса должна быть очищена от тех опасных остатков буржуазного влияния, которые там еще имеются. К ним относятся:

а) основное деление преступлений на две категории, по отношению к которым установлены принципиально два различных метода применения уголовной репрессии — по принципу «не ниже» и по принципу «до», как продиктованное теорией эквивалента;

б) установление в законе принципа давности, являющегося излишним при наличии статьи 8-й, предоставляющей возможность в любой момент, в любой стадии уголовного дела, ставить вопрос об отсутствии социальной опасности, и распространение этого права и на органы расследования;

в) переоценка значения исправительно-трудового воздействия в отношении всех категорий преступников;

г) исключение зачета принудительных работ из расчета три дня за один день лишения свободы, являющегося принципиально неверным смешением двух различных методов самооборон;

д) отказ от принятия репрессивных мер при отсутствии нового преступления со стороны заведомо опасных лиц (уголовная профилактика), и т. д.

Тезис 8-й.

Особенная Часть должна быть коренным образом перестроена в направлении подразделения всех преступлений на три основных категории:

1. Социально-вредных действий, к которым должны быть отнесены все те, которые, не колебля непосредственно основ общежития, не угрожают государственному порядку и не сопряжены с сознательным нарушением основных линий государственной политики, но тем не менее дезорганизуют общественный быт. Вся эта рубрика, по возможности с более или менее исчерпывающим перечнем отдельных категорий социально-вредных действий, должна быть объединена в одну главу — «Социально-вредные действия». По отношению ко всей этой категории должен быть установлен один широкий ряд мероприятий, которые может и должен принять суд по отношению к совершившим эти действия, с тем, чтобы суду предоставлялось право наибольшей свободы в применении и выборе этих средств воздействия.

Конфискация имущества и ссылка на принудительные работы в отдаленные местности должны быть поставлены, однако, как предел такого рода мероприятий. Лишение свободы должно быть целиком исключено из этого раздела репрессивных мер.

2. Исходя, однако, из факта, что такая широкая свобода суда в выборе этих мер воздействия, при многочисленности и качественном различии этого рода преступлений может повести к внесению излишнего субъективизма в приговоры и этим отклониться от определяемых центральной государственной властью общих линий судебной политики, должны быть даны в Уголовном Кодексе следующие, общего характера, указания судам:

а) суду должен быть указан ориентировочный перечень социально-вредных действий, для борьбы с которыми возможно ограничиться, главным образом, мерами общественно-воспитательного характера, начиная с выговора, общественного порицания и выговора через печать или иным путем, принудительных работ на срок по месту службы или по месту жительства и особо неприятных работ и кончая мероприятиями, соединенными с теми или иными ограничениями прав или материальных возможностей данного лица, куда относятся: штраф, конфискация имущества, увольнение от должности и запрещение занимать определенные должности или заниматься определенной профессией на срок или навсегда, возложение обязанности загладить вред, вплоть до удаления из данной общественной среды (высылка) на определенный срок. Общественно-воспитательный момент во всяком случае должен преобладать в этого рода мероприятиях;

б) вторую категорию мероприятий должны составлять мероприятия фактически переходного характера к лишению свободы, применяемые в отношении преступлений более серьезных, и, главным образом, таких, где большее значение должно иметь применение этих мер, как мер поддержания общественной дисциплины и устрашения и одновременно мер непосредственного предотвращения повторного совершения того или иного преступления со стороны данного лица (должностные преступления, мелкие растраты и т. д.). Сюда должны быть отнесены: тот же штраф и конфискация имущества, принудительные работы в специально для этого организованных учреждениях, наконец, принудительные работы в определенных отдаленных местностях, при чем в законе должен быть установлен обязательный для отбыва-

ния такого рода принудительных работ единый срок (двухгодичный), с правом продления его судом, в зависимости от поведения преступника, до максимального допустимого трехлетнего срока. Для этого должны быть созданы специальные лагеря принудительных работ с относительным, вытекающим из самого факта направления в этот лагерь, ограничением права передвижения.

Соответствующая систематика преступлений предупредит и в этих условиях возможность слишком широкого судебного усмотрения.

II. 1) Во второй раздел должна быть отнесена вся категория социально-опасных действий, т.е. тех, совершение которых существенным образом или многократно (рецидив) нарушает общественный быт и государственный порядок, в результате чего выявлена необходимость обязательной изоляции совершивших такие преступления лиц от общества, как явно опасных. В ориентировочный перечень преступлений, где лишение свободы остается основной формой репрессии, из нынешнего Кодекса ориентировочно могут быть отпесены все те преступления, где мера репрессии определена не ниже года и свыше двух лет лишения свободы.

По отношению ко всем этим преступлениям должен быть проведен принцип относительно неопределенных приговоров, согласно которому в законе должен быть установлен обязательный минимальный срок, в течение которого совершители этих социально-опасных действий должны во всяком случае изыматься из общества, с предоставлением суду же права продления этого срока, в зависимости от поведения осужденного, до возможного, допустимого по закону (десятилетнего) срока. Такой обязательный для всех категорий преступлений минимальный срок может быть определен в два года.

2) Так как, однако, определенные виды проявления социально-опасной деятельности могут требовать изоляции на более длительный срок, при чем того же могут требовать и мотивы общественно-воспитательного значения репрессии, для этой категории наиболее тяжелых преступлений срок обязательной изоляции должен быть установлен в пять лет, как гарантия, что данный, проявивший максимальную опасность, субъект на этот срок, во всяком случае, будет изолирован от общества с предоставлением, опять-таки, факультативного права суду продления этого срока до максимального десятилетнего срока.

В отношении всех этих категорий преступников после освобождения их судом должно быть установлено обязательное поселение освобождаемых в определенной местности на единый пятилетний срок. Отдельным лицам может быть, сверх того, запрещено на тот же 5-летний срок возвращение в тот социальный коллектив, из которого они изъяты.

3) В целях наибольшей гибкости судебной практики должно быть гарантировано право суда, в зависимости от конкретных условий совершения преступления и индивидуальных особенностей личности преступника, отступать от указанных в законе обязательных минимумов в сторону их повышения или понижения с тем, однако, что минимальный срок лишения свободы (2 года) уменьшен быть не может. В отношении второй категории (социально-вредных действий) уменьшение срока может иметь место лишь в исключительных случаях с соответствующей гарантированной проверкой этих исключений. Такими же гарантиями должно быть обставлено право суда освобождать осужденных от обязательного поселения и ограничения свободы возвращенных в свой коллектив.

III. Наиболее опасные действия должны быть выделены в третий раздел, охватывающий ту рубрику преступлений, по отношению к которым может быть допущена в качестве меры самозащиты общества мера физического уничтожения (расстрел).

Тезис 9-й.

Только такое построение уголовной политики явится в данных условиях наиболее обеспечивающим: 1) реальность судебной репрессии и 2) исключение нецелесообразных методов применения репрессии.

Проект Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР.

(Принят Коллегией НКЮ 7 декабря 1928 г. по докладу Я. П. Орхановского).

Глава первая.

Возбуждение уголовного преследования.

Ст. 1. Уголовное преследование возбуждается органами расследования, прокуратурой или судом. Названные органы власти обязаны принимать все заявления о совершенных или готовящихся преступлениях, независимо от подсудности и подследственности дела. Заявления могут делаться как письменно, так и устно. Устные заявления записываются принимающим заявление в протокол, подписываемый заявителем. По анонимным заявлениям уголовное преследование может быть возбуждено только после предварительной проверки заявления.

Отказ в возбуждении преследования должен быть мотивирован и может быть обжалован заявителем в порядке, установленном ст.ст. 21 и 91.

Ст. 2. Уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению во всяком положении производства:

- а) за смертью привлеченного к ответственности;
- б) за истечением давности, кроме случаев, когда разрешение вопроса о ее применении предоставлено суду (прим. 1 и 2 к ст. 14 Уголовного Кодекса);
- в) за отсутствием в действиях, приписываемых привлеченному к ответственности, состава преступления;
- г) при совершении преступления недостигшим 14-летнего возраста;
- д) при наличии вступившего в законную силу приговора в отношении данного лица и по тому же преступлению, кроме случаев, указанных в ст. 173;
- е) вследствие акта об амнистии.

Примечание. При установлении обстоятельств, указанных в примечании к ст. 6 и ст. 8 Уголовного Кодекса, орган расследования вправе не возбуждать уголовного преследования.

Начатое дело подлежит прекращению также в случаях обнаружения совершенного преступления и при недостаточности собранных по делу доказательств для предания суду привлеченного к ответственности.

Ст. 3. Дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 90, 2 ч. 143, 1 ч. 146, 159, 160, 161, п. «а» 162, 1 ч. 168, 177 и 178 Уголовного Кодекса, как правило, возбуждаются только по жалобе потерпевшего и подлежат прекращению, помимо случаев, указанных в ст. 2, также за примирением сторон до вступления приговора в законную силу и за смертью потерпевшего.

Предварительное расследование по этим делам, как правило, не производится.

Если потерпевшим от названных преступлений является несовершеннолетний или лицо, по своим физическим или психическим недостаткам не могущее выступить в защиту своих интересов, дело может быть возбуждено как по его жалобе, так и по жалобе его законного представителя (прим. к ст. 87) и в этих случаях может быть прекращено за примирением только с согласия этого представителя.

Следователь, прокурор и народный судья вправе возбудить преследование по любому из названных преступлений и без жалобы потерпевшего, если находят, что дело имеет общественное значение.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общие вопросы предварительного расследования.

Ст. 4. Предварительное расследование производится: следователями, милицией, уголовным розыском, органами Объединенного Государственного Политического Управления, специальными инспекциями по делам их ведения и иными органами власти, которым специальными законами предоставлено право производства расследования преступлений.

Ст. 5. Общее руководство деятельностью всех органов расследования, а также наблюдение за предварительным расследованием, производящимся следователем, осуществляется прокуратурой. Наблюдение за предварительным расследованием, производящимся остальными из названных в ст. 4 органов (кроме органов ОГПУ), осуществляется следователем, в участке которого производится расследование.

Наблюдающий орган вправе в любое время знакомиться с производством расследования и давать обязательные для ведущего его указания.

В случае несогласия с такими указаниями производящий расследование вправе обжаловать их вышестоящему органу, не приостанавливая исполнения обжалуемого указания.

Примечание. Наблюдение за производством расследования органами ОГПУ регулируется особыми правилами.

Ст. 6. Расследование производится тем органом, в районе деятельности которого совершено преступление. По соображениям наибольшей быстроты, полноты или удобства расследования оно может производиться, по разрешению наблюдающего органа, по месту обнаружения преступления или месту жительства совершившего его. Вопрос о подследственности дела окончательно решается тем наблюдающим органом, в районе которого расследование начато.

Ст. 7. Если органу, производящему расследование, требуется производство отдельных действий в другом районе, он вправе как поручить производство этих действий соответствующему органу расследования этого района, так и произвести их самостоятельно. При производстве расследования вне того района, где оно было начато, органы расследования обязаны сообщать о производимых ими действиях местному прокурору или следователю, в соответствии с правилами статьи 5.

Ст. 8. В случае необходимости выполнения вне пределов территории Союза ССР отдельных процессуальных действий по уголовным делам судебные учреждения и прокуратура сносятся с подлежащими судебными или

административными органами иностранных государств через Народный Комиссариат по Иностранным Делама. Органы расследования в этих случаях действуют через прокурорский надзор.

Судебные учреждения и органы расследования могут принимать от иностранных судебных мест поручения по выполнению отдельных процессуальных действий на территории Союза ССР не иначе, как через посредство Народного Комиссариата по Иностранным Делама.

Ст. 9. В одном производстве могут быть объединены два и несколько дел, если по ним привлекается несколько лиц по соучастию в совершении одного и того же преступления или одно лицо—по совершению нескольких преступлений.

Ст. 10. Предварительное расследование по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58²—58¹¹, 59², 59³, 2 ч. 59⁴, 59⁵—59¹³, 1 ч. 73, 2 ч. 95, 2 ч. 110, 1 ч. 112, 114, 2 ч. 115, 2 ч. 116, 2 ч. 117, 118, 119, 128—132, 136—142, 151—155, п. «д» 162, 3 ч. 165, 167, 193¹², 193¹⁷, 193¹⁸, 193²⁰, 193²¹, 193²³ и 193²⁰ Уголовного Кодекса, производится следователем. По делам об иных преступлениях расследование может производиться следователем в случаях особой сложности или особого общественного значения дела по предложению прокурора, а также и по собственной инициативе следователя.

По разрешению прокурора следователь может также передать расследование любого из дел о преступлениях, перечисленных в настоящей статье, иным органам расследования.

Прокурор вправе приять на себя как производство отдельных следственных действий, так и расследование по любому делу.

Примечание. Случаи, когда расследование по перечисленным в настоящей статье преступлениям производится органами ОГПУ, определяются специальными законами.

Ст. 11. Предварительное расследование по делам о преступлениях, перечисленных в ст. 10, как правило, должно оканчиваться в двухмесячный, а по остальным делам—в месячный срок с начала расследования. Продление этих сроков по отдельным делам соответственно до шести и трех месяцев допускается лишь с разрешения краевого (областного) или губернского прокурора по мотивированному постановлению его. Право дальнейшего продления срока, а также общего продления этих сроков для отдельных районов Республики, где такое продление вызывается местными условиями, принадлежит Прокурору Республики.

Ст. 12. Предварительное расследование по любому делу может быть начато любым органом расследования, кроме специальных инспекций, производящих расследование только по делам их ведения. Но если дело начато не следователем и в нем усматриваются признаки одного из перечисленных в ст. 10 преступлений, начавший расследование орган немедленно уведомляет об этом следователя и прокурора. При этом он не останавливает производства действий, необходимых для обеспечения дальнейшего расследования. По окончании необходимых действий, он, не ожидая распоряжения следователя и конца месячного срока (ст. 11), передает дело следователю. После передачи дела следователю следственные действия могут производиться иными органами расследования только по специальным поручениям следователя.

Ст. 13. Если материал, который будет собран до передачи дела следователю, последний признает достаточно полным, он не продолжает расследования. При этом сле-

дователь обязан: а) пред'явить обвинение; б) пред'явить подсудственному производство по делу и в) составить обвинительное заключение.

Ст. 14. Приступая к расследованию или принимая к производству уже начатое дело, следователь составляет постановление и уведомляет об этом прокурора.

Ст. 15. Органы расследования обязаны расследовать все обстоятельства, как отягчающие, так и смягчающие степень и характер ответственности привлекаемых лиц, либо вовсе освобождаящие их от ответственности. Они не вправе отказать подозреваемому, подсудственному и потерпевшему в допросе свидетелей, экспертов и собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых возбуждаются ходатайства, могут иметь значение по делу.

Об отказе в удовлетворении такого ходатайства орган расследования составляет постановление.

Ст. 16. Лицо, вызванное производящим расследование в качестве свидетеля, эксперта, переводчика или понятого, обязано явиться по вызову. Неявка без уважительной причины, а также отказ свидетеля от показаний, а остальных—от исполнения возлагаемых на них обязанностей влекут уголовную ответственность (ст. 92 Уголовного Кодекса). Независимо от возбуждения уголовного преследования неявившийся без уважительной причины может быть подвергнут приводу.

Названные лица имеют право на возмещение понесенных ими расходов по явке и на вознаграждение за отвлечение от обычных занятий, а эксперты и переводчики, сверх того,—и за выполнение обязанностей. Размеры возмещения и вознаграждения определяются Народным Комиссариатом Юстиции.

Ст. 17. Потерпевший от преступления может пред'явить к привлеченному к ответственности и к лицам, несущим материальную ответственность за его действия, иск об убытках (гражданский иск). Этот иск, независимо от суммы, подлежит рассмотрению совместно с уголовным делом.

Усмотрев, что потерпевшему преступлением причинены убытки, производящий расследование обязан разъяснить ему право на пред'явление гражданского иска.

Производство по этим искам освобождается от пошлин и сборов.

Ст. 18. В случае пред'явления гражданского иска производящий расследование обязан составить постановление о признании потерпевшего гражданским истцом или об отказе в этом. Он обязан также принять по ходатайству стороны, а в случаях, когда преступлением нанесены убытки государству, общественным организациям или трудящимся, и независимо от ходатайства меры обеспечения гражданского иска по правилам Гражданского Процессуального Кодекса.

Меры обеспечения могут быть приняты производящим расследование и до пред'явления гражданского иска.

Ст. 19. Для обеспечения исполнения приговора в случаях, если расследуемое преступление влечет за собой согласно Уголовному Кодексу конфискацию имущества, производящий расследование вправе принять меры обеспечения против сокрытия имущества. Если расследование ведется не следователем, эти меры могут быть приняты только с разрешения следователя.

В случаях, когда в состав такого имущества входит действующее предприятие, прокурор вправе, по представлению следователя, назначить ликвидационную или административную комиссию по согласованию с органами, ведающими соответствующей отраслью народного хозяйства.

Ст. 20. О всех следственных действиях составляются протоколы. Протоколы подписываются производящим расследование и лицами, непосредственно участвовавшими в данном действии. За неграмотного подписывается кто-либо из присутствующих при составлении протокола.

Несогласия с изложенным в протоколе отмечаются заинтересованными лицами при подписании протокола. При отказе того или иного лица подписать протокол производящий расследование делает об этом в протоколе особую оговорку.

Ст. 21. Любое действие производящего расследование может быть обжаловано в семидневный срок с того дня, как об этом действии уведомлено заинтересованное лицо. Жалобы на действия следователя и органов ОГПУ приносятся наблюдающему прокурору, а на действия остальных органов—следователю, в участке которого работает данный орган. В этом же порядке производится отвод производящего расследование при наличии поводов, указанных в ст. 84. Решение наблюдающего прокурора в этих случаях является окончательным.

Действия наблюдающего прокурора, кроме случаев, указанных в ст. 52 и 3 ч. 58, в тот же срок могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, решение которого является окончательным.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Собирание доказательств.

Ст. 22. Доказательствами являются все фактические данные, которые в отдельности или совокупности устанавливают или опровергают событие преступления, уличают или оправдывают привлеченного к ответственности и отягчают или смягчают его ответственность.

Доказательствами являются показания свидетелей, протоколы осмотров, обысков и выемок и другие письменные документы, заключения экспертов, вещественные доказательства и личные объяснения привлеченного к ответственности и пр. Агентурные разработки, анонимные заявления, слухи и предположения, как доказательства, не допускаются.

Ст. 23. Свидетели и эксперты, как правило, допрашиваются на месте производства расследования. Если вызываемое лицо лишено возможности явиться по болезни, производящий расследование может допросить его в месте проживания.

Вызов свидетелей из отдаленных от места расследования местностей может производиться только по согласованию с наблюдающим органом. В случае затруднительности вызова, производящий расследование должен произвести допрос свидетеля путем отдельного требования через соответствующий орган расследования по месту проживания свидетеля.

Ст. 24. Не могут быть вызываемы и допрашиваемы в качестве свидетелей лица, которые, в силу своих физических и психических недостатков, неспособны правильно воспринимать те или иные явления и давать о них правильные показания.

Вызов в качестве свидетелей малолетних до десятилетнего возраста допускается лишь в исключительных случаях.

Ст. 25. Перед допросом производящий расследование удостоверяется в самоличности свидетеля или эксперта, устанавливает его отношение к сторонам и предупреждает об обязанности давать правдивые показания или заключения, и об ответственности за дачу ложных показаний или заключений. При допросе немого, глухого или

лица, говорящего на языке, непонятном производящему расследование, приглашается лицо, понимающее знаки немого или глухого, или переводчик.

При желании свидетеля ему должно быть предоставлено право записать свои показания собственноручно.

Ст. 26. Свидетель может быть спрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению по данному делу, и о характеристике личности привлекаемого к ответственности.

Применение при допросе угроз и насилий влечет уголовную ответственность производящего расследование.

Ст. 27. Свидетели допрашиваются отдельно, в отсутствии других свидетелей, при чем производящий расследование принимает меры к тому, чтобы свидетели по одному и тому же делу не могли сообщаться между собой до окончания допроса. В случае надобности устраивается очная ставка между свидетелями.

Допрос производится так, чтобы им были исчерпаны все обстоятельства, для выяснения которых свидетель вызван, и чтобы, тем самым, ограничивалась необходимость повторного допроса.

Ст. 28. Вызов экспертов по наиболее сложным делам о хозяйственных преступлениях должен быть согласован с прокурором.

В случае требования привлеченного к ответственности возможен вызов и эксперта, указанного привлеченным. В таком вызове может быть отказано, если производящий расследование признает, что вызов указанного эксперта излишен.

Ст. 29. Если эксперты пришли к единогласному выводу, то результаты экспертизы могут быть изложены одним из экспертов по их выбору. В случае разногласия между экспертами выводы должны быть изложены каждым из экспертов. После дачи заключения каждому из экспертов могут быть задаваемы вопросы как производящим расследование, так и привлекаемым к ответственности, если он присутствует при экспертизе, и потерпевшим в случаях, когда он выступает в качестве гражданского истца.

Ст. 30. В случае признания экспертизы недостаточно ясной или неполной производящий расследование может с разрешения наблюдающего органа назначить мотивированным постановлением производство новой экспертизы.

Ст. 31. Вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или были объектами преступных действий, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средством к раскрытию преступления и установлению причастных к нему лиц.

Ст. 32. Вещественные доказательства подробно описываются, опечатываются и приобщаются к делу: следователями — особыми постановлениями, остальными органами расследования — отметкой в протоколе обыска, выемки или осмотра.

Вещественные доказательства хранятся там, где находится производство по делу. Вещественные доказательства могут быть, в отдельных случаях, переданы владельцу до разбора дела. Вещественные доказательства, подвергающиеся быстрой порче, в случае невозможности своевременной передачи владельцу, сдаются в соответствующие учреждения. Последние обязаны по окончании дела возвратить владельцу равное количество или уплатить их стоимость.

Ст. 33. Если у производящего расследование имеются основания полагать, что в каком-либо помещении или у какого-либо лица находятся предметы, могущие иметь значение для дела, он предъявляет требование о выдаче этих предметов и производит выемку их. В случае невыдачи он отбирает эти предметы принудительным порядком или производит обыск. О производстве этих действий составляется особое постановление.

Правительственные учреждения, должностные и частные лица, организации и объединения не вправе отказываться от предъявления и выдачи требуемых предметов.

Выдача и осмотр документов, касающихся государственной тайны, могут быть произведены на особых условиях, установленных подлежащими учреждениями по соглашению с прокурором.

Выемка почтово-телеграфной корреспонденции может производиться только с разрешения прокурора.

Ст. 34. Обыски и выемки в помещениях, занимаемых дипломатическими представительствами, а также в помещениях, в которых проживают дипломатические представители, члены дипломатических представительств и их семьи, могут производиться лишь по просьбе или с согласия дипломатического представителя. При производстве обыска и выемки обязательно присутствие представителя прокуратуры и представителя Народного Комиссариата по Иностранным Делах, если таковой находится в данной местности.

Ст. 35. Обыски и выемки производятся, кроме случаев, не терпящих отлагательства, днем и в присутствии понятых и лица, занимающего данное помещение, или его домашних или соседей.

Обыски и выемки в помещениях, занимаемых учреждениями, производятся в присутствии представителей этого учреждения.

Ст. 36. Приступая к обыску или выемке, производящий их обязан предъявить документ, удостоверяющий его право на производство обыска или выемки. Все отбираемые при обыске и выемке документы и предметы должны быть предъявлены присутствующим и перечислены либо в особой описи, составляемой на месте обыска или выемки, либо в протоколе. По окончании обыска или выемки заинтересованные лица должны быть опрошены о претензиях, о чем делается отметка в протоколе.

Копии протокола и описи выдаются лицу обыскиваемому или его домашним.

Ст. 37. Производящий обыск вправе открывать закрытые помещения и хранилища лишь в случае отказа владельца добровольно открыть их. Он обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены и обнаружены при обыске обстоятельства частной жизни обыскиваемого, не имеющие отношения к делу.

Ст. 38. При осмотре места совершения преступления, документов и иных предметов, отобранных при обысках и выемках, производящий расследование описывает в протоколе все отобранное в том виде, в каком оно было во время осмотра.

Осмотры отобранного производятся на месте обыска или в камере производящего расследование.

Ст. 39. Производящий расследование не присутствует при личном обыске или освидетельствовании лица другого пола, если эти действия сопровождаются обнажением обыскиваемого или свидетельствуемого лица, кроме тех случаев, когда обыскиваемый или свидетельствуемый не возражает против такого присутствия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пред'явление обвинения.

Ст. 40. При наличии достаточных оснований предполагать, что расследуемое преступление совершено подозреваемым лицом, производящий расследование составляет постановление о привлечении его в качестве подследственного (пред'явление обвинения).

В постановлении должно быть указано: а) кем оно составлено, б) время и место его составления, в) имя, отчество и фамилия привлеченного, г) время совершения преступления, сущность дела и основания привлечения, д) статья Уголовного Кодекса, которой предусмотрено данное преступление.

Примечание. В случаях, когда имеются указания на то, что подследственный является гражданином иностранного государства, производящий расследование обязан точно выяснить это обстоятельство, устанавливая его, по возможности, документальными данными.

Ст. 41. Постановление пред'является подозреваемому при первом же допросе его в качестве подследственного, но не позже трех суток со времени составления постановления. О времени пред'явления делается отметка на самом постановлении, удостоверяемая подписью подследственного.

Ст. 42. После пред'явления обвинения расследование должно вестись в направлении выяснения обстоятельств, имеющих наиболее существенное значение для определения общественной опасности преступления и лица, его совершившего, и не должно осложняться выяснением излишних в указанном смысле обстоятельств.

Ст. 43. Если подследственный, вызванный на допрос, не явится без уважительной причины, он подвергается приводу.

Ст. 44. При розыске привлекаемого к ответственности или побеге его из-под стражи производящий расследование выносит постановление о приостановлении дела и представляет дело наблюдающему органу. Постановление это может быть вынесено только по истечении шести месяцев после объявления розыска по делам, расследуемым следователем, и трех месяцев—по остальным делам.

Ст. 45. Производящий расследование обязан допросить подследственного не позже 24 часов по явке или приводу или по получении сведений об его задержании. Если допрос не мог быть произведен в течение этого срока, то о причинах задержки отмечается в первом же протоколе допроса.

Допрос производится применительно к правилам, установленным статьями 25—27.

Ст. 46. При привлечении должностного лица по делу в случаях, когда расследование производится следователем или органами ОГПУ, производящий расследование обязан разрешить вопрос, подлежит ли подследственный на время расследования отстранению от занимаемой должности, о чем сообщает по месту службы подследственного.

Отстранение от должности по делам, расследуемым иными органами, может быть применено только с разрешения следователя или прокурора.

Ст. 47. При наличии в деле указаний на психическое расстройство подследственного во время совершения или после совершения преступления производящий расследование обязан собрать сведения, необходимые для суждения о психическом состоянии подследственного путем

освидетельствования его врачом-экспертом, а также путем опроса его самого, его близких и других лиц.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Меры пресечения.

Ст. 48. От подследственного отбирается подписка о явке к расследованию и суду, с обязательством сообщать о перемене своего местожительства. Сверх того, производящий расследование вправе принять в отношении его меры пресечения. В исключительных случаях мера пресечения может быть принята и до пред'явления обвинения к лицу, в отношении которого имеются достаточные основания предполагать, что данное преступление совершено им. В этих случаях пред'явление обвинения должно быть сделано не позднее 14 суток со дня принятия меры пресечения. При невозможности сделать это в указанный срок мера пресечения обязательно отменяется.

Ст. 49. Мерами пресечения являются: а) подписка о невыезде, б) поручительство личное или коллективное, в) заключение под стражу.

При разрешении вопроса о необходимости принять меру пресечения, а также при избрании той или иной меры должно быть принято во внимание: тяжесть преступления и имеющиеся против подследственного улики, вероятность уклонения от расследования и суда или препятствования раскрытию истины, род занятий и т. д.

Примечание. В случае нарушения данной подследственным подписки о невыезде она заменяется более строгой мерой пресечения, о чем должно быть объявлено при отобрании подписки.

Ст. 50. Наблюдающий орган вправе как предложить производящему расследование принять меры пресечения, так и отменить или изменить уже принятую. Предложения эти для производящего расследование обязательны.

Отмена или изменение меры пресечения органом расследования, избравшим эту меру, производится им самостоятельно.

Ст. 51. Заключение под стражу в качестве меры пресечения, как правило, допускается только по делам о преступлениях, за которые судом может быть назначено лишение свободы на сроки свыше года и при наличии опасения, что подследственный, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины или скроется от следствия и суда.

По делам о преступлениях, за которые судом может быть назначено лишение свободы на срок менее года, заключение под стражу в качестве меры пресечения допускается только в случае, когда установлено, что подследственный имеет связь с преступной средой, либо не имеет постоянного местожительства и занятий, либо уклоняется от явки к следствию и суду.

По делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58²—58¹¹, 58¹², 58¹⁴, 1 ч. 59² (в отношении лиц, указанных в п. «а»), 59³, 2 ч. 59⁷, 59⁸, 59⁹, 2 ч. 110, 1 ч. 112, 2 ч. 116, 2 ч. 117, 132, 136, 2 ч. 153 (в случаях группового изнасилования), 166, 167, 2 ч. и 3 ч. 175, 193¹⁰—193¹³ и 193²³—193²⁸ Уголовного Кодекса, заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь общественной опасности данного преступления.

Примечание. Порядок применения данной меры пресечения органами ОГПУ определяется особыми правилами, утверждаемыми ЦИК Союза ССР.

Ст. 52. Об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу производящий расследование посылает извещение наблюдающему органу, в место заключения и по месту службы подследственного. Если подследственный является гражданином иностранного государства, то извещение обязательно посылается также и в органы Народного Комиссариата по Иностранным Дела.

Жалоба на применение этой меры пресечения подается прокурору, а на постановление последнего—в соответствующий суд (постановление участкового прокурора—в народный суд, окружного прокурора—в окружной суд и т. д.), решение которого дальнейшему обжалованию не подлежит.

Ст. 53. Заключение под стражу, как мера пресечения, ограничивается сроками, установленными ст. 11 для окончания расследования. Если, однако, эта мера пресечения применена только из опасения, что подследственный, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины, она не может продолжаться более 2 месяцев. В случае сложности дела или наличия иных обстоятельств, препятствующих окончанию расследования в указанный срок, он может быть с разрешения наблюдающего прокурора продлен на один месяц.

Ст. 54. Каждый судья и прокурор обязаны немедленно освободить всякого содержащегося под стражей без законного постановления или свыше срока, определенного постановлением о заключении под стражу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Приостановление и окончание предварительного расследования.

Ст. 55. Предварительное расследование приостанавливается:

а) в случае неизвестности места пребывания подследственного и

б) в случае его психического расстройства или иного удостоверенного врачом тяжелого болезненного состояния.

Расследование приостанавливается только в тех случаях, когда им добыты данные для предъявления обвинения. Если же расследование таких данных не имеет, дело не приостанавливается, а прекращается.

Производящий расследование составляет постановление с описанием сущности дела и обстоятельств, влекущих приостановление расследования, и направляет дело наблюдающему органу.

Ст. 56. Расследование приостанавливается по п. «а» ст. 55 по истечении срока на его производство (ст. 11). В течение этого срока производящий расследование обязан принимать меры к розыску подследственного.

Расследование приостанавливается по п. «б» ст. 55 до выздоровления подследственного или до признания болезни неизлечимой. В последнем случае дело направляется в суд для применения мер социальной защиты медицинского характера. При приостановлении расследования по п. «б» ст. 55 производящий его вправе вынести постановление о помещении подследственного в соответствующее лечебное заведение для установления его болезни.

Ст. 57. При наличии оснований, указанных в ст. 2, следователь составляет постановление с изложением сущности дела и мотивов прекращения и направляет дело для его прекращения прокурору. Остальные органы расследования направляют производство следователю также с мотивированным постановлением.

Примечание. Порядок направления дел органами ОГПУ определяется особыми правилами.

Ст. 58. Если обвинение подозреваемому не предъявлено, следователь прекращает производство по делу самостоятельно, сообщая копию своего мотивированного постановления о прекращении прокурору.

Самостоятельно прекращаются производящим расследование также дела о преступлениях, направляемые органами расследования непосредственно в суд (ст. 62).

Постановление о прекращении дела может быть обжаловано прокурору, а постановление последнего—в соответствующий суд (ст. 52), решение которого дальнейшему обжалованию не подлежит.

Ст. 59. Возобновление производства по делу, прекращенному за перозыском совершившего преступление или приостановленному, производится мотивированным постановлением органа, прекратившего или приостановившего производство.

Ст. 60. Признав предварительное расследование законченным, а добытые данные достаточными для предания суду, производящий расследование обязан объявить об этом подследственному, разъяснить ему право на осмотр всего производства по делу, предоставить возможность такого осмотра и спросить, не желает ли он и чем именно дополнить расследование.

В случае указания подследственным обстоятельств, имеющих значение для дела и ранее нерасследованных, производящий расследование обязан его дополнить.

Ст. 61. В обвинительном заключении излагается кратко сущность дела, с приведением обстоятельств, говорящих как против, так и в пользу привлеченного к ответственности, и доказательства, которыми подтверждаются описанные обстоятельства, указываются подробные сведения о личности совершившего преступление, о месте, времени, способах и мотивах совершения преступления, сведения о потерпевшем, и приводится статья Уголовного Кодекса, предусматривающая данное преступление, а при привлечении по нескольким преступлениям—статьи, предусматривающие каждое из них.

К обвинительному заключению прилагается список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, а также справка о времени содержания подсудимого под стражей.

В списке лиц, подлежащих вызову, указывается их место жительства и листы дела с показаниями вызываемых.

Текст обвинительного заключения также должен содержать ссылки на листы дела, содержащие подтверждение излагаемого в заключении.

Ст. 62. Обвинительное заключение с делом следователь направляет прокурору. Остальные органы расследования направляют его по делам о преступлениях, по которым Уголовным Кодексом предусмотрено лишение свободы, следователю, а по всем остальным делам—непосредственно в народный суд.

Примечание. Органы ОГПУ направляют прокурору дела о преступлениях, перечисленных в ст. 10. Все остальные дела направляются ими непосредственно в суд.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Действия следователя и прокурора по прекращению дела и преданию суду.

Ст. 63. Получив дело от органа, производящего расследование, следователь и прокурор: а) приостанавливает или прекращает производство, при наличии оснований, указанных в ст.ст. 55 и 2 или б) возвращает дело для доследования со своими указаниями или в) утверждает обвинительное заключение краткой резолюцией на заклю-

чени, что является преданием подследственного суду. Прокурор вправе прекратить производство также и при наличии оснований, указанных в примечании к ст. 6 и ст. 8 Угол. Кодекса.

Ст. 64. В случаях установления в действиях подследственного признаков проступка, преследуемого в дисциплинарном порядке (прим. к ст. 112 Уголовного Кодекса), прекращающий уголовное дело отмечает об этом в постановлении о прекращении и копию этого постановления направляет по месту службы подследственного.

Ст. 65. В постановлении о прекращении дела определяется судьба вещественных доказательств. При этом орудия преступления подлежат конфискации; вещи, запрещенные к обращению, не выдаются и подлежат передаче в соответствующие учреждения или подлежат уничтожению; вещи, не представляющие никакой ценности и не могущие быть использованными, подлежат уничтожению; в случаях ходатайства заинтересованных лиц и учреждений о выдаче им этих вещей, ходатайство может быть удовлетворено, если к такой выдаче не имеется препятствий; остальные вещи выдаются владельцам; в случае спора о принадлежности этих вещей спор этот подлежит разрешению в порядке ст. 171, с вызовом заинтересованных лиц.

Ст. 66. При несогласии с постановлением о прекращении или обвинительным заключением следователь или прокурор, находя дело достаточно расследованным и данные расследования достаточными для предания подследственного суду, составляет обвинительное заключение. При замене постановления о прекращении обвинительным заключением составляющий последнее обязан предъявить подследственному производство по делу. В указанных случаях присланное производящим расследование постановление или заключение из дела изымается и возвращается составившему его с указанием неправильностей. Намеченный производящим расследование список свидетелей может изменяться следователем и прокурором и при утверждении заключения.

Ст. 67. Утвержденное обвинительное заключение вместе с делом направляется в суд, при чем, если следователь или прокурор считает необходимым личное участие свое в судебном заседании, он обязан известить об этом суд.

Ст. 68. После передачи дела в суд, всякие ходатайства по делу и жалобы на действия органов расследования и прокурора направляются непосредственно в суд. Жалобы могут быть заявлены в течение семи суток с того момента, когда обжалуемое действие стало известным жалобщику. Подача жалобы на избрание меры пресечения и на незаконные действия сроком не ограничены.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О подсудности.

Ст. 69. Народному суду в составе народного судьи и двух народных заседателей, как правило, подсудны все уголовные дела, кроме тех, для которых установлен особый порядок производства в самом народном суде, и тех, которые отнесены к подсудности других судебных учреждений.

Народный судья рассматривает единолично в порядке судебного приказа дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 64, 3 ч. 92, 100, 106, 185, 186, 2 ч. 187, 189, 190 и 191 Уголовного Кодекса.

Народный судья рассматривает единолично без участия народных заседателей дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 63, 66, 70, 80, 84, 86, 86¹, 87, 1 и 2 ч.ч.

92, 93, 94, 105, 159, 163, 177, 178, 179, 182, 183, 184, 1 ч. 187 и 188 Уголовного Кодекса.

Народный судья и прокурор вправе, в зависимости от сложности или общественного значения дела, передать на рассмотрение полным составом суда любое из перечисленных в статье дел.

Ст. 70. Дела о преступлениях, предусмотренных 1, 2 и 3 ч.ч. ст. 133, ст.ст. 134 и 135 Угол. Кодекса, рассматриваются особыми сессиями народного суда по трудовым делам, а в местностях, где таких сессий не имеется, — народным судом.

Ст. 71. Окружному (главному суду автономных республик, областному, губернскому) суду подсудны дела:

а) о преступлениях контр-революционных, предусмотренных ст.ст. 58²—58¹⁴ Уголовного Кодекса;

б) о преступлениях против порядка управления, предусмотренных ст.ст. 59²—59¹³, 1 ч. 73 и 2 ч. 79 Угол. Кодекса;

в) о должностных преступлениях, предусмотренных ст.ст. 109, 110, 111, 1 ч. 112, 113, 114, 2 ч. 115, 2 ч. 116 и 2 ч. 117 Уголовного Кодекса;

г) о преступлениях хозяйственных, предусмотренных ст.ст. 128, 129, 130, 131, 132 Уголовного Кодекса;

д) о преступлениях имущественных, предусмотренных 3 ч. ст. 167 Уголовного Кодекса.

Окружной (главный, областной, губернский) суд и прокурор вправе передать на рассмотрение народного суда любое из подсудных окружному (главному, областному, губернскому) суду дел, кроме дел о преступлениях государственных, если дело не имеет ни особой сложности, ни особого значения.

Постановлением пленума суда в народный суд могут передаваться также целые категории дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 109, 1 ч. 110, 111 и 113 Уголовного Кодекса, по определенным признакам, при чем в этих случаях вопрос о направлении отдельного дела решается органом расследования по согласованию с наблюдающим органом.

Окружной (главный, областной, губернский) суд вправе по собственной инициативе или по предложению прокурора изъять любое дело из ведения народного суда и принять его к своему рассмотрению.

Ст. 72. Краевому (областному районированных местностей) суду подсудны дела о преступлениях, предусмотренных статьями Уголовного Кодекса, перечисленными в п.п. «в» и «г» ст. 71, совершенных должностными лицами, занимающими руководящие должности в краевых, административных и хозяйственных учреждениях, а равно членами президиумов окружных исполнительных комитетов, заведующими отделами и их заместителями, председателями и членами окружных судов, окружными и участковыми прокурорами.

Краевой суд вправе, по собственной инициативе или по предложению прокурора, изъять любое дело из ведения окружного суда и принять его к своему рассмотрению.

Ст. 73. Подсудность дел военному трибуналу определяется положением о военных трибуналах и военной прокуратуре.

Дела, частично подсудные окружному (главному, краевому, областному, губернскому) суду и военному трибуналу, подсудны последнему.

Ст. 74. Верховному Суду Республики подсудны дела:

а) переданные постановлением Президиума ВЦИК, Пленума Верховного Суда или Прокурора Республики;

б) о преступлениях по должности членов ВЦИК, народных комиссаров и членов коллегий народных комис-

сариатов РСФСР и автономных республик, членов Верховного Суда РСФСР и помощников Прокурора РСФСР;

в) о преступлениях по должности и председателей краевых, губернских и областных исполнительных комитетов и их заместителей, председателей и заместителей председателя краевых, губернских и областных судов и главных судов автономных республик, краевых, губернских и областных прокуроров и их заместителей; в зависимости от важности, эти дела могут быть переданы Верховным Судом в краевой, губернский или областной суд или главный суд автономной республики.

Ст. 75. При наличии в деле нескольких подсудимых, из которых один или несколько малолетних (менее 14 лет), дело в отношении последних выделяется и передается в комиссию о несовершеннолетних. В отношении несовершеннолетних от 14 до 16 лет суд может рассматривать дело только в том случае, если комиссия по делам о несовершеннолетних признает, что по отношению к данному несовершеннолетнему неприменимы средства медико-педагогического воздействия.

Ст. 76. Если делом охвачены разные по подсудности преступления или по делу привлечены разные по подсудности лица, дело подлежит рассмотрению в высшем суде, которому подсудна часть дела или подсудимых.

Ст. 77. Всякое дело, как правило, подлежит рассмотрению в том суде, в районе которого совершено преступление.

Дела о должностных преступлениях, совершенных должностными лицами центральных учреждений автономных областей, находящихся на территории соседней области или округа, подсудны судам области, в учреждении которой состоял совершивший преступление.

Если определить место совершения преступления невозможно, дело подлежит рассмотрению того суда, в районе которого разбор дела представляется наиболее целесообразным.

Ст. 78. Суд, обнаружив, что находящееся в его производстве дело подсудно какому-либо другому суду лишь после того, как он уже приступил к проверке доказательств на судебном следствии, оставляет дело в своем производстве.

Ст. 79. Дела, которые охватывают несколько преступлений, совершенных одним или несколькими лицами в различных местах, если они могут быть соединены в одном производстве, рассматриваются тем из судов этих мест, в районе которого разбор дела представляется, с точки зрения его полноты и удобства, наиболее целесообразным.

Ст. 80. В целях более беспристрастного, более скорого и более полного рассмотрения дела, оно может быть передано из одного суда в другой суд той же категории.

Дела о преступлениях, по которым не может быть назначено лишение свободы, в случае сознания привлеченного к ответственности могут быть передаваемы в народный суд той местности, где проживает привлеченный к ответственности. Это же правило распространяется и на дела о преступлениях, по которым может быть назначено лишение свободы на срок до одного года, если привлеченный к ответственности сам не требует разбора дела по месту производства расследования.

При этом, однако, в отношении вызова свидетелей соблюдается требование 2 ч. ст. 23.

Вопрос о передаче дела из одного народного суда в другой народный суд разрешается председателем окружного (губернского) суда, а до поступления дела в суд—окружным (губернским) прокурором.

Вопрос о передаче дел из суда окружного (главного, областного, губернского) или краевого в другой такой же суд решается судом, в производстве которого находится дело, с доведением об этом до сведения вышестоящего суда.

Ст. 81. Всякое дело, направленное по правилам настоящей главы, должно быть обязательно принято к производству тем судом, в который оно направлено.

Ст. 82. Президиум Верховного Суда и Прокурор Республики могут допускать изъятия из нормальной подсудности в отношении любого дела, кроме дел о преступлениях государственных, которые не могут быть переданы в народный суд, и дел о преступлениях воинских.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О составе суда, сторонах и отводе.

Ст. 83. Каждое дело в судебном заседании должно быть заслушано в одном и том же составе судей. Если кто-либо из судей лишается возможности продолжать участие в заседании, он заменяется другим судьей и дело начинается слушанием снова. Однако, если запасный народный заседатель, вступивший на место выбывшего, присутствовал все время в зале суда и не требует возобновления судебного-следственных действий, дело продолжается без возобновления.

Ст. 84. Судья, прокурор или лица, производившие расследование, подлежат отводу:

а) если они являются стороной или родственником какой-либо из сторон или если в состав суда входят лица, состоящие между собой в родстве;

б) если они лично заинтересованы в исходе дела;

в) если они участвовали в деле в качестве свидетеля, защитника или представителя интересов потерпевшего или гражданского истца.

Правила эти относятся также к секретарю суда, переводчикам и экспертам.

Ст. 85. Заявленный против судьи отвод разрешается остальными участвующими в деле судьями в отсутствие отводимого судьи. При равенстве голосов судья считается отведенным. Отвод, заявленный против всего состава суда, разрешается тем же составом большинством голосов. Отводы обвинителя, секретаря суда, переводчиков и экспертов разрешаются судом.

Ст. 86. Обвинение на суде поддерживается: прокуратурой, следователями, общественными обвинителями по уполномочию прокуратуры или следователя, уполномоченными профессиональных союзов, рабоче-крестьянской инспекции и иных инспекций по делам их ведения. По усмотрению суда к поддержанию обвинения могут быть допущены и другие лица.

Потерпевший по делам о преступлениях, перечисленных в ст. 3, вправе поддерживать обвинение, если в дело не вступил прокурор или следователь.

Прокурор и следователь, признавая такое дело имеющим общественное значение, вправе вступить в дело и поддерживать обвинение.

Ст. 87. К защите допускаются: члены коллегии защитников, близкие родственники подсудимого и его законные представители, уполномоченные государственных учреждений и предприятий, профессиональных союзов и общественных организаций. По усмотрению суда к защите могут быть допущены и другие лица. Суд вправе в отдельных случаях, в зависимости от характера дела, не допускать к защите любое из формально-правовых лиц.

Примечание. Под близкими родственниками понимаются: супруг, родители, дети, родные братья и сестры данного лица.

Под законными представителями понимаются: родители, опекуны и представители тех учреждений, на попечении которых находится представляемое лицо.

Ст. 88. Защита допускается, как правило, по усмотрению суда. Допущение ее обязательно:

а) когда подсудимый страдает физическими недостатками, лишающими его возможности вести защиту самостоятельно;

б) когда подсудимый несовершеннолетен;

в) когда о допущении защиты ходатайствуют общественные или профессиональные организации;

г) когда в деле в качестве обвинителя участвует прокурор или следователь, при чем отказ подсудимого от защиты не препятствует допущению прокурора или следователя к участию в деле.

Ст. 89. В качестве представителя интересов потерпевшего, когда ему предоставлено право поддерживать обвинение (ст.ст. 3 и 86), а также в качестве представителя гражданского истца, могут участвовать в деле лица, перечисленные в ст. 87.

Ст. 90. Лицо, участвующее в деле в качестве свидетеля, не может быть в том же деле обвинителем, защитником, представителем потерпевшего и гражданского истца.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Действия суда до разбора дела.

Ст. 91. Получив заявление о совершенном преступлении, народный судья:

а) отказывает в возбуждении уголовного преследования при наличии оснований для такого отказа (ст.ст. 2 и 3), или

б) направляет дело для производства предварительного расследования с указанием обстоятельств, подлежащих расследованию, или

в) если не признает нужным производство предварительного расследования, назначает дело к слушанию.

В повестке о вызове подсудимого в суд он указывает сущность дела.

Отказ народного судьи в возбуждении уголовного преследования может быть обжалован в недельный срок со дня объявления в окружной (губернский) суд, где вопрос разрешается окончательно председателем суда.

Ст. 92. Получив дело непосредственно от органа, производившего расследование (ст. 62), народный судья:

а) если признает расследование достаточным, утверждает обвинительное заключение и назначает дело к слушанию, с соблюдением правил, указанных в 1-й части ст. 15, или

б) направляет его со своими указаниями для расследования, или

в) прекращает дело при наличии к тому оснований (ст. 2).

Ст. 93. По получении дела от следователя или прокурора председательствующий по делу назначает дело к слушанию, уведомляет об этом участвующих в деле лиц, а подсудимому направляет копию обвинительного заключения. Копия заключения должна быть вручена подсудимому не позже, чем за три дня до дня слушания дела.

В случаях:

а) существенной неполноты предварительного расследования, если она не может быть исправлена в судебном следствии, или

б) несогласия с квалификацией приписываемых подсудимому действий, или

в) признания необоснованности предания суду, или

г) несогласия с мерой пресечения, избранной прокурором или следователем, или с постановлением прокурора по вопросу о прекращении дела (ст. 58),

дело может быть внесено в подготовительное заседание.

Ст. 94. Подготовительное заседание происходит в составе: народного судьи и двух народных заседателей— в народном суде, и назначенного председательствующим и двух членов суда— в остальных судах. О заседании обязательно извещается прокурор или следователь. По указанным в ст. 93 вопросам подсудимый и свидетель не вызываются.

Определения подготовительного заседания обжалования не подлежат.

Ст. 95. Если в подготовительном заседании суд, согласившись с преданием подследственного суду, не согласится с обвинительным заключением и не найдет нужным производство дополнительного расследования, председателем составляется новое заключение.

В случае признания недоследованности дела, подготовительное заседание по мотивированному определению направляет его к доследованию.

В случае установления обстоятельств, влекущих прекращение дела, подготовительное заседание прекращает его мотивированным определением.

Ст. 96. Вопросы о допущении и назначении защиты, о вызове свидетелей и экспертов в судебное заседание, ходатайства сторон после поступления дела в суд, а также вопросы об оплате экспертизы и судебных издержках в случаях прекращения дела до суда разрешаются окончательно председательствующим по делу единолично. При разрешении вопроса о вызове свидетелей и экспертов сужение доказательств, предлагаемых прокурором или следователем к проверке в судебном заседании, не допускается.

Ст. 97. Рассмотрение дел на суде ведется, как правило, на языке большинства местного населения. Вместе с тем, на судебные учреждения возлагается обязанность принимать меры для обеспечения возможности ведения дела на языке подсудимых, если последние принадлежат к национальному меньшинству. В этих случаях суд до назначения дела к слушанию решает особо вопрос о языке, на котором будет вестись дело, руководствуясь интересами гласности суда и подсудимых. Если участвующие в деле лица не владеют языком, на котором ведется данное дело, суд обязан пригласить переводчика и через последнего ставить заинтересованных лиц в известность о каждом процессуальном действии.

Ст. 98. Обвинительное заключение вручается подсудимому обязательно переведенным на его родной язык и подлежит оглашению, если он того требует, также на родном языке.

Всякого рода бумаги и заявления могут быть подаваемы каждым из заинтересованных лиц на их родном языке, если установлено, что подающий не владеет языком, на котором дело ведется.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О судебном заседании.

Ст. 99. Судебные заседания публичны. Удаление публики из зала заседания на все время заседания или часть его допускается лишь в случаях необходимости охранения государственной тайны, а также при слушании дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 151—155 Уголовного Кодекса. Судебный приговор, во всяком случае, объявляется публично. Дети до 14-летнего возраста в зал судебного заседания не допускаются.

Ст. 100. Судебное заседание по каждому делу должно происходить непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение в перерыве других дел, ранее вынесения приговора по уже начавшемуся слушанием делу, не допускается.

Ст. 101. В судебном заседании обязательно ведется протокол, в котором обозначаются: место и время заседания, состав суда, стороны, если они присутствуют, слушаемое дело, все действия суда, в том, именно, порядке, в каком они происходят, возбуждаемые перед судом ходатайства, разъяснения сторонам их процессуальных прав, содержание показаний свидетелей, экспертов и последнего слова подсудимого, выводы, которые обвинитель и защитник предлагает суду, определения суда и разъяснения порядка и сроков обжалования приговора.

Протокол подписывается председателем и секретарем.

Ст. 102. Участвовавшие в судебном заседании вправе ознакомиться с протоколом и в течение трех суток после подписания его могут подать замечания на протокол. Замечания эти рассматриваются единолично председательствовавшим в заседании и приобщаются к делу.

Ст. 103. Руководя судебным заседанием, председатель устраняет из него все не имеющее отношения к рассматриваемому делу и направляет судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины.

Действия председателя, стесняющие права сторон, по их требованию должны быть занесены в протокол заседания.

Ст. 104. При нарушении подсудимым порядка судебного заседания и неподчинении распоряжениям председателя, по определению суда он может быть удален из зала заседания. В этих случаях постановленный приговор немедленно по его вынесении должен быть объявлен подсудимому. Остальные участвующие в деле лица или находящиеся в зале заседания при нарушении порядка или неподчинении распоряжениям председателя удаляются из зала его распоряжением. Председатель может, сверх того, наложить на них взыскание в виде штрафа до 15 руб. или принудительных работ на срок до 7 дней.

Ст. 105. По открытии судебного заседания председатель объявляет, какое дело подлежит рассмотрению, удостоверяется в самостоятельности подсудимого, спрашивает о времени вручения ему копии обвинительного заключения, объявляет состав суда и разъясняет сторонам их право отвода. Если обвинительное заключение вручено подсудимому позже чем за три дня до слушания дела, суд в случае требования о том подсудимого должен отложить дело слушанием.

Ст. 106. Дела о преступлениях, за которые мерой социальной защиты может быть назначено лишение свободы, слушаются обязательно в присутствии подсудимого. Слушание дела в этих случаях в отсутствие подсудимого допускается лишь при его согласии или при наличии у суда данных, что подсудимый уклоняется от суда. Суд вправе как при назначении дела к слушанию,

так и в судебном заседании признать явку подсудимого обязательной по любому делу и в этом случае подвергнуть приводу неявившегося и принять или изменить в отношении его меру пресечения.

Ст. 107. При неявке потерпевшего или представителя его интересов по делам частного обвинения (ст. 3) суд, признав причины неявки уважительными, откладывает дело слушанием. При неустановлении причин неявки или признании их неуважительными суд прекращает дело производством, если в деле не участвует прокурор. В случае признания причин неявки уважительными суд может возобновить производство.

Ст. 108. Если по делу предъявлен гражданский иск, суд вправе рассмотреть его и при неявке гражданского истца, или его представителя.

Потерпевший вправе предъявить гражданский иск в течение всего судебного следствия.

Ст. 109. При неявке обвинителя, защитника, свидетелей или экспертов суд, заслушав заключение сторон, выносит определение по вопросу о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся лиц.

Ст. 110. Председатель разъясняет свидетелям и экспертам их обязанности. Эксперты остаются в зале заседания, свидетели же удаляются в особое помещение.

Ст. 111. Председатель разъясняет подсудимому его право давать объяснения по каждому обстоятельству дела в течение всего судебного следствия и участвовать в допросе свидетелей и экспертов. Потерпевшему председатель должен разъяснить его право предъявить гражданский иск при наличии оснований для этого.

Ст. 112. При разъяснении подсудимому и потерпевшему их прав, председатель опрашивает их о желании вызвать дополнительных свидетелей и экспертов, истребовать новые или приобщить к делу имеющиеся у них доказательства.

Разрешение судом ходатайств, возбуждаемых сторонами по этим вопросам, не зависит от того, возбуждается ли ходатайство впервые или оно заявлялось и рассматривалось до судебного следствия.

Определение суда об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств должно быть мотивировано.

Ст. 113. Судебное следствие начинается разъяснением подсудимому сущности предъявленного ему обвинения и опросом подсудимого о признании им обвинения. Если подсудимый признал предъявленное к нему обвинение, суд может не производить судебного следствия и, выслушав последнее слово подсудимого, удалиться для вынесения приговора.

Ст. 114. В случаях, когда подсудимый не признает правильным предъявленное к нему обвинение или когда суд найдет нужным продолжать судебное следствие, несмотря на то, что подсудимый признал обвинение правильным, если прокурор или следователь в деле не участвуют, председатель излагает обстоятельства дела в том виде, как они установлены предварительным расследованием и приводит все доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности. Если в деле участвует прокурор или следователь, такой же доклад делается ими, при чем в этом докладе определяются вопросы, подлежащие исследованию суда.

Вопрос об объеме и порядке судебного следствия разрешается судом по заслушании соображений подсудимого или его защитника.

Ст. 115. Допрос свидетелей происходит по правилам, установленным ст.ст. 24—27. Гражданский истец и потер-

певший, поддерживающий обвинение, могут допрашиваться в качестве свидетелей.

При неявке свидетеля без уважительной причины, а также при отказе от дачи показаний, суд вправе в том же заседании возбудить преследование по первой части ст. 92 Уголовного Кодекса и вынести приговор.

Ст. 116. Свидетель допрашивается сначала стороной, его вызвавшей, а после этого—другой стороной. Председатель и члены суда вправе задавать свидетелю вопросы в любой момент допроса. Каждая сторона вправе предлагать свидетелю дополнительные вопросы в разъяснение ответов, данных свидетелем на вопросы другой стороны.

Ст. 117. Допрошенный свидетель не может уйти из суда до окончания судебного следствия без особого разрешения суда, при чем сторонам должна быть дана возможность высказать по этому вопросу свои соображения. Суд, признав выясненными обстоятельства, для установления которых вызывался свидетель, может отказаться от его допроса.

Ст. 118. Допрос экспертов производится с соблюдением правил, изложенных в ст.ст. 115—117. Заключение, данное экспертами, после его устного изложения должно быть представлено экспертами в письменном виде.

Ст. 119. В случае необходимости производства осмотра места преступления, суд может поручить это одному из членов суда, либо выезжает туда в полном составе. О времени осмотра должны быть уведомлены стороны, которые вправе принимать участие во всех действиях по осмотру.

Ст. 120. Суд, признав, что дело недостаточно выяснено, вправе, по собственной инициативе или по ходатайству сторон, отложить дело слушанием и потребовать новые доказательства или же направить дело на дополнительное расследование.

В последнем случае дело по окончании дополнительного расследования должно быть направлено для предания обвиняемому суду в общем порядке.

Ст. 121. В зависимости от обстоятельств, обнаружившихся на судебном следствии, суд может изменить первоначальную формулировку обвинения и предъявить подсудимому новое обвинение.

Об изменении формулировки обвинения и предъявлении нового суд выносит особое определение. Подсудимому и его представителю должно быть предоставлено право дать суду объяснения по новой формулировке обвинения или повому обвинению.

Изменение первоначальной формулировки обвинения влечет за собой обязательное направление дела к рассмотрению только тогда, когда суд найдет, что правильное и полное расследование дела без этого невозможно. В отношении предъявления нового обвинения после допроса соблюдаются правила ст.ст. 40 и 41.

Ст. 122. Если суд в процессе судебного следствия усмотрит, что имеются данные о совершении преступления кем-либо из лиц, не привлеченных к делу в качестве подсудимых, он постановляет о привлечении этого лица к уголовной ответственности и направляет дело в этой части к расследованию и преданию суду в общем порядке.

Если дело по обвинению вновь привлеченного лица тесно связано с рассматриваемым делом и их раздельное рассмотрение является невозможным без ущерба для полноты расследования, к расследованию обращается все дело.

Ст. 123. По рассмотрении всех имеющихся в деле доказательств, председатель опрашивает стороны, имеют ли они чем дополнить судебное следствие, а затем, после

рассмотрения судом этих ходатайств, объявляет судебное следствие законченным.

Ст. 124. По окончании судебного следствия суд может предоставить обвинителю, а после него защитнику возможность изложить свои выводы по вопросу о степени доказанности обвинения данными судебного следствия. Такое же право в части, касающейся установления ущерба, причиненного преступлением потерпевшему, может быть предоставлено гражданскому истцу или его представителю. Суд вправе при этом ограничить стороны определенным временем.

При изложении вывода стороны не вправе ссылаться на материалы, не имеющиеся в деле.

Ст. 125. Если на основании судебного следствия обвинитель пришел к выводу о необоснованности обвинения, а защитник—об отсутствии данных для защиты, они обязаны отказаться от обвинения и защиты.

Ст. 126. По окончании судебного следствия, а в случаях, предусмотренных ст. 124, после изложения сторонами их выводов, председатель предоставляет последнее слово подсудимому. В случае, если в последнем слове подсудимый раскрывает новые обстоятельства, существенные для дела, суд возобновляет судебное следствие. По окончании его подсудимому также должно быть предоставлено последнее слово.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Вынесение приговора.

Ст. 127. По выслушании последнего слова подсудимого, суд удаляется в совещательную комнату. Во время совещания в совещательной комнате могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному делу.

Ст. 128. Суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле материалах.

Оценка имеющихся в деле доказательств производится судом в связи со всеми обстоятельствами дела.

Ст. 129. Применение мер социальной защиты к совершившему преступление определяется уголовным законом, действовавшим в момент совершения преступления. Отмена или изменение закона в сторону смягчения ответственности имеет обратную силу.

При рассмотрении дела после отмены приговора кассационной инстанцией усиление меры социальной защиты против назначенной отмененным приговором допускается только в том случае, если приговор был опротестован прокуратурой.

Ст. 130. Вступившее в законную силу решение по гражданскому делу обязательно для суда, разбирающего уголовное дело, только в части установления факта совершения ответчиком тех или иных действий, по не в отношении оценки общественной опасности этих действий и степени участия в них ответчика.

Ст. 131. При постановлении приговора суд должен разрешить следующие вопросы:

1) имело ли место действие, приписываемое подсудимому и совершил ли его подсудимый;

2) содержит ли в себе это действие состав преступления;

3) должна ли быть применена к подсудимому мера социальной защиты и какая именно;

4) подлежит ли удовлетворению заявленный гражданский иск, а если иск заявлен не был, то надлежит ли принять меры обеспечения возможного иска;

5) как поступить с вещественными доказательствами;

6) на кого и в каком размере должны быть возложены судебные издержки.

Ст. 132. При вынесении решения по каждому отдельному вопросу никто из судей не вправе воздерживаться от подачи голоса. Все вопросы решаются простым большинством голосов. Судья, оставшийся при постановлении приговора в меньшинстве, вправе изложить в письменном виде свое особое мнение. Особое мнение приобщается к приговору, но оглашению не подлежит.

Ст. 133. Если суд при совещании найдет нужным восполнить выяснение какого-либо обстоятельства, он возобновляет судебное следствие. После совершения необходимых действий и заслушания последнего слова подсудимого суд приступает к постановлению приговора.

Ст. 134. Суд выносит приговор:

1) об оправдании подсудимого в тех случаях, когда не доказано событие преступления, ему приписываемого, или не доказано участие подсудимого в совершении преступления, или когда действия, совершенные подсудимым, не содержат в себе состава преступления;

2) о признании доказанным совершения подсудимым приписываемого ему преступления и о применении к нему мер социальной защиты;

3) об освобождении подсудимого от применения к нему мер социальной защиты по амнистии, давности или при наличии условий, указанных в ст. 8 Уголовного Кодекса.

Ст. 135. Вопрос о гражданском иске обязательно решается судом, рассматривающим уголовное дело. При этом суд:

1) постановляет об отказе в иске в случае недоказанности события преступления, или

2) удовлетворяет или отказывает в нем в остальных случаях, в зависимости от доказанности оснований и размеров иска.

Примечание. Отказ в удовлетворении гражданского иска лишает потерпевшего права предъявления иска по тем же основаниям в порядке гражданского судопроизводства.

Ст. 36. Если по делу не был предъявлен гражданский иск, но, по мнению суда, преступлением потерпевшему были причинены вред и убытки, суд может при вынесении приговора постановить о принятии мер обеспечения возможного иска. Меры обеспечения подлежат отмене судом, если в течение месяца по вступлении приговора в законную силу иск не будет предъявлен.

Ст. 137. По делам частного обвинения суд, признав обвинение явно недобросовестным, вправе постановить о взыскании с обвинителя в пользу обвиняемого вознаграждения за отвлечение от работы.

Ст. 138. Обвинительный приговор должен содержать указания на личность подсудимого (имя, отчество, фамилия), возраст, социальное положение, прежняя судимость), состояние совершенного им преступления (место, время, способ, мотивы), статью Уголовного Кодекса, избранную судом меру социальной защиты, порядок и срок обжалования.

Оправдательный приговор должен содержать указания на личность подсудимого, изложение существа преступления с указанием статьи Уголовного Кодекса, по которой привлекался оправданный, и постановление об оправдании подсудимого.

Кроме того, приговор должен содержать в себе указание на судьбу гражданского иска, если таковой заявлен, а равно указания, на кого должны быть возложены судебные издержки.

По наиболее простым делам, где подсудимому определяется мера социальной защиты ниже лишения сво-

боды, приговор пишется в форме краткой резолюции в конце протокола судебного заседания.

Ст. 139. В приговоре суд, как правило, не обязан излагать, по каким, именно, причинам и на основании каких, именно, улик он пришел к убеждению о доказанности или недоказанности совершения подсудимым приписываемых ему действий. Суд всегда обязан мотивировать приговор в случае сложности и противоречивости доказательств, несогласия с экспертизой, а также в случае, когда он приходит к убеждению о необходимости освободить подсудимого от применения мер социальной защиты судебного-исправительного характера, несмотря на совершение им преступления.

Вопрос о судьбе вещественных доказательств решается в приговоре по правилам ст. 65.

Ст. 140. Судебные издержки состоят:

1) из сумм, выданных и причитающихся свидетелям, экспертам, переводчикам, и

2) из сумм, израсходованных на хранение, пересылку и исследование вещественных доказательств.

Если по делу осуждено несколько подсудимых, то суд постановляет, в каком размере ложатся издержки на каждого из них, руководствуясь их имущественным положением.

При распределении уплаты судебных издержек между несколькими лицами, возложение уплаты сумм менее одного рубля на отдельное лицо не допускается.

При прекращении дела, при оправдании подсудимого, а также при несостоятельности лица, на которое должны быть наложены судебные издержки, издержки принимаются на счет казны.

При прекращении дела примирением сторон суд вправе возложить издержки на одну или обе стороны.

Ст. 141. Приговор оправдательный или освобождающий подсудимого от отбывания мер социальной защиты приводится в исполнение немедленно.

При вынесении приговора, присуждающего подсудимого к мере социальной защиты, суд обязан обсудить вопрос о мере пресечения и вправе до вступления приговора в законную силу изменить или назначить меру пресечения.

ГЛАВА ТРИАДЦАТАЯ.

Действия суда по применению меры социальной защиты медицинского характера.

Ст. 142. При установлении психического расстройства привлеченного к ответственности в момент совершения им общественно-опасного действия или к моменту разбора дела в суде или иной болезни, наличие которой делает бесцельным применение мер социальной защиты судебного-исправительного характера, суд может применить к нему одну из предусмотренных ст. 24 Уголовного Кодекса мер социальной защиты медицинского характера.

Ст. 143. В случаях, когда признаки указанной в ст. 142 болезни или совершение большим общественно-опасного действия представляются бесспорными, суд выносит определение о применении к нему меры социальной защиты медицинского характера в подготовительном заседании (ст. 94), с обязательным участием прокурора. В суд могут быть вызваны привлеченный к ответственности, врач, установивший болезнь, и иные лица по усмотрению суда.

Ст. 144. Определение о применении меры социальной защиты медицинского характера должно содержать в себе указания на личность больного, существо совершенного им преступления, место и время его совершения,

основание, по которому суд пришел к выводу о необходимости отказаться от применения мер социальной защиты судебно-исправительного характера и назначенную судом меру социальной защиты медицинского характера. Это определение может быть обжаловано в кассационном порядке (ст. 150).

Ст. 145. При недоказанности совершения больным приписываемого ему преступления или в случаях отсутствия в приписываемых ему действиях состава преступления суд, вынося определение о прекращении дела в уголовном порядке, разрешает вопрос о целесообразности направления больного в соответствующий лечебный орган для предупреждения совершения им в состоянии болезни общественно-опасных действий.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Особые производства.

Ст. 146. По делам, рассматриваемым народным судьей в порядке судебного приказа (ст. 69), соблюдаются общие правила судопроизводства, за следующими изъятиями:

1) стороны в судебное заседание не вызываются, по явившийся обвинитель и подсудимый допускаются к даче объяснений, чем судебное следствие может и ограничиться;

2) судебный приказ должен содержать в себе указания на личность подсудимого, существо преступления, место и время его совершения, предусматривающую его статью Уголовного Кодекса, назначенную меру социальной защиты и на кого возложены судебные издержки;

3) судебный приказ вступает в силу и приводится в исполнение немедленно, но может быть обжалован осужденным только по мотивам неподсудности дела в семидневный срок со дня объявления ему приказа в кассационном порядке. В этом случае народный судья может приостановить исполнение приказа до разрешения дела кассационной инстанцией.

Ст. 147. Народный судья вправе каждое дело, подлежащее рассмотрению в порядке судебного приказа, в случае установления спорных обстоятельств, назначить к слушанию с вызовом сторон в общем порядке.

Дела, по которым заявлен гражданский иск, не могут разбираться в порядке судебного приказа.

Ст. 148. В дежурные камеры направляются дела, по которым, по мнению органов, производящих задержание совершившего преступление, не требуется особого расследования или по которым задержанный сознался в совершении преступления. Одновременно с делом должны быть доставлены в дежурную камеру задержанный и вещественные доказательства, а также, по возможности, свидетели.

Ст. 149. Если при рассмотрении дела в дежурной камере подсудимый укажет, в опровержение предъявленного ему обвинения, на обстоятельства, которые не представляются возможным проверить в том же заседании, слушание дела прерывается и оно направляется для разбора в общем порядке. При этом народный суд должен рассмотреть вопрос о мере пресечения в отношении подсудимого.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Кассационно-ревизионное производство.

Ст. 150. На судебный приговор сторонами может быть принесена кассационная жалоба (обвинителем кассационный протест): на приговор народного суда—в окружной (губернский и главный) суд, окружного суда—в краевой

или областной суд, губернского, краевого, областного и главного суда—в Верховный Суд.

Приговоры Уголовно-Судебной Коллегии Верховного Суда окончательны и могут быть отменены или изменены лишь в порядке надзора Пленумом Верховного Суда.

Ст. 151. Кассационное обжалование не допускается, если приговором назначены: общественные порицание, штраф до 100 рублей, или принудительные работы на срок до одного месяца, а также возложение обязанности загладить причиненный вред в случаях, когда размер вреда, подлежащего по приговору возмещению, не превышает 100 рублей.

Ст. 152. Жалоба приносится в суд, постановивший приговор, в течение 7 дней для проживающих в городских и 14 дней—в сельских поселениях, с момента объявления приговора осужденному. Срок не считается пропущенным, если до истечения его жалоба сдана на почту. Дополнительные жалобы могут подаваться в любое время до рассмотрения дела кассационной инстанцией. Вопрос о продлении срока на обжалование решается единолично председателем производившим в судебном заседании. Обжалование приговора приостанавливает приведение его в исполнение.

Ст. 153. Кассационные жалобы рассматриваются в открытом судебном заседании. Стороны должны быть оповещены о дне кассационного разбора дела при объявлении приговора.

Осужденный, гражданский истец и потерпевший (последний по делам частного обвинения, когда он подерживал обвинение), или в случаях, указанных в п.п. «а»—«в» ст. 88, их представители должны быть допущены к даче объяснений. Прокуратура участвует в кассационной инстанции по своему усмотрению. Ведение протокола судебного заседания необязательно.

Ст. 154. Кассационная инстанция, кроме обсуждения доводов кассационной жалобы, обязана рассмотреть все дело в ревизионном порядке, т.е. по собственной инициативе выяснить и обсудить допущенные по делу нарушения.

В кассационно-ревизионном порядке подлежат рассмотрению вопросы о таких существенных нарушениях закона, допущенных по делу в стадии предварительного расследования или судебного разбирательства, которые повлияли на правильность приговора по существу.

Приговор подлежит отмене только в том случае, если он является по существу неправильным и кассационная инстанция не имеет достаточных материалов для его исправления. В остальных случаях приговор изменяется или оставляется в силе.

В отношении оправдательных приговоров, при установлении их неправильности по существу, допускается только их отмена.

Ст. 155. При отмене приговора кассационная инстанция: а) либо направляет дело в суд 1-й инстанции для вторичного рассмотрения тем же судом 1-й инстанции в другом составе или другим судом; б) либо направляет дело в прокуратуру (дела о преступлениях, перечисленных в ст. 10) или органы расследования для дополнительного расследования; в) либо прекращает дело, при наличии обстоятельств, указанных в ст. 2.

Ст. 156. Определение кассационной инстанции при отмене приговора и направлении дела по п.п. «а» и «б» ст. 155 должно быть изложено таким образом, чтобы для суда первой инстанции, прокуратуры и органов расследования было ясно, какие нарушения были допущены при первом разборе дела, как их следует исправить и

с каких действий должен начаться пересмотр или следствие дела.

Указания, сделанные кассационной инстанцией при отмене приговора, обязательны для органов расследования, прокуратуры и суда первой инстанции при новом расследовании и рассмотрении дела.

Ст. 157. При изменении приговора в кассационно-реvisionsном порядке допускается как переквалификация преступления, так и смягчение и повышенные меры социальной защиты в случаях явного несоответствия ее общественной опасности преступления и осужденного, в пределах соответствующих статей Особенной Части Уголовного Кодекса.

При наличии оснований для повышения назначенной приговором меры социальной защиты в заседании обязательно вызывается осужденный и могут быть вызваны основные свидетели по делу.

Ст. 158. Отмена и изменение приговора могут быть произведены как в отношении тех подсудимых, в части которых приговор обжалован или опротестован, так и в отношении всех остальных подсудимых, осужденных или оправданных, в отношении последних — с соблюдением правил ст. 154.

Ст. 159. Определение кассационной инстанции может быть опротестовано в пленум соответствующего суда в течение трех суток со дня его объявления: председательствовавшим в заседании, членом суда, оставшимся при особом мнении — через председателя суда — и прокурором.

Опротестование приостанавливает приведение определения в исполнение.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Производство в порядке надзора.

Ст. 160. Окружной, губернский и краевой прокуроры имеют право истребовать любое дело соответственно из любого суда округа, губернии и края. При истребовании дела прокурор имеет право приостановить исполнение приговора или определения суда и изменить меру пресечения.

Участковый (уездный, районный) прокурор имеет право истребовать только дела народных судов, находящихся на территории данного участка.

Если истребуемое дело началось слушанием, оно высылается по вынесении приговора. Истребование дела в порядке надзора сроком не ограничено.

Примечание. В отношении дел военных трибуналов действуют правила положения о военных трибуналах и военной прокуратуре.

Ст. 161. Народный Комиссар Юстиции, Прокурор Республики и Председатель Верховного Суда РСФСР вправе истребовать любое дело из любого суда Республики и приостановить приговор до окончания надзорного производства.

Ст. 162. Не обнаружив в истребованном деле существенных нарушений, прокурор прекращает надзорное производство и возвращает дело.

При обнаружении существенных нарушений прокурор направляет со своим протестом:

а) дело окружного или народного суда районированных местностей — в уголовно-кассационную коллегию краевого (областного) суда;

б) дело краевого (областного), губернского или народного суда нерайонированных местностей, главного и народных судов автономных республик — в Уголовно-Кассационную Коллегию Верховного Суда.

Дело, истребованное участковым прокурором, направляется им с протестом обязательно через окружного (губернского) прокурора. Дело, идущее в уголовно-кассационную коллегию краевого суда, направляется обязательно через краевого прокурора, а дело, идущее в Уголовно-Кассационную Коллегию Верховного Суда, — через Прокурора Республики.

Народный Комиссар Юстиции, Прокурор Республики и Председатель Верховного Суда РСФСР вправе внести любое дело непосредственно в Уголовно-Кассационную Коллегию Верховного Суда.

Ст. 163. Суд, в который передано дело, действует по правилам ст. 154. Дело разбирается в судебном заседании без допуска сторон, кроме случаев, указанных в ст. 157.

Ст. 164. При несогласии кассационной инстанции с протестом прокурора последний может принести дальнейший протест в пленум соответствующего суда.

Ст. 165. Председатель окружного, губернского и краевого суда в отношении подведомственных ему судов имеет право внесения в порядке, указанном в ст. 162, дел, по которым при ревизионном обследовании обнаружены существенные нарушения.

Право это ограничивается 6-месячным сроком со дня вступления приговора в законную силу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Об исполнении приговоров.

Ст. 166. Обвинительный приговор приводится в исполнение лишь по вступлении его в законную силу.

Приговор признается вступившим в законную силу по истечении срока для обжалования (ст. 152), если жалоба или протест принесены не были. В случае принесения жалобы или протеста приговор вступает в законную силу в день его утверждения кассационной инстанцией. Надзор за исполнением приговоров осуществляется прокуратурой.

Ст. 167. Приговоры к расстрелу приводятся в исполнение через 72 часа по объявлении осужденному о вступлении приговора в законную силу, если не последовало распоряжения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Верховного Суда или Прокурора Республики о приостановлении.

При неподаче осужденным к расстрелу кассационной жалобой суд обязан телеграфно известить о состоявшемся приговоре Председателя Верховного Суда и Прокурора Республики, при чем приговор приводится в исполнение через 72 часа с момента получения судом телеграфного уведомления о вручении указанным лицам сообщения о приговоре, если не последовало распоряжения о приостановлении.

Ст. 168. Приговор обращается к исполнению судом, его постановившим. Копию приговора суд направляет в место лишения свободы, в милицию и иные органы, фактически приводящие приговор в исполнение.

Приговор о лишении ордена Красного Знамени по вступлении его в законную силу направляется на утверждение в этой части в Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР или Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ст. 33 Уголовного Кодекса).

Ст. 169. Отсрочка приведения в исполнение приговора допускается:

а) при болезни осужденного, препятствующей применению меры социальной защиты, — до его выздоровления;

б) при беременности осужденной, препятствующей применению меры социальной защиты, — на 6 месяцев после родов;

в) когда немедленное применение меры социальной защиты может повлечь за собой тяжкие последствия для осужденного или его семьи, в виду особых обстоятельств, как-то: пожара или иных стихийных бедствий, тяжелой болезни или смерти единственного работоспособного члена семьи и т. п.

Ст. 170. Если лицо, к которому применена мера социальной защиты в виде лишения свободы, было помещено в лечебное заведение в виду психической или иной болезни, то время, проведенное осужденным в лечебном заведении, засчитывается в назначенный по приговору срок.

Ст. 171. Вопросы об отсрочке исполнения приговоров, о рассрочке уплаты штрафа, о замене мер социальной защиты и снятии дополнительных мер социальной защиты в случаях, допускаемых Уголовным Кодексом, а равно и возникающие при исполнении приговоров сомнения и разногласия разрешаются судом, в районе которого приговор приводится в исполнение.

Определение меры социальной защиты по совокупности производится судом, вынесшим позднейший приговор, или судом, в районе которого приговор приводится в исполнение.

Разрешение этих вопросов происходит в судебном заседании, с уведомлением прокурора и с вызовом лиц, которых непосредственно касается разрешаемый вопрос (осужденный, гражданский истец и пр.).

Ст. 172. Все приговоры и определения судебных учреждений Союза ССР и союзных республик в отношении находящихся на территории РСФСР лиц, которых эти приговоры и определения касаются, подлежат приведению в исполнение соответствующими учреждениями РСФСР.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Производство по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ст. 173. Возобновление дел, прекращенных за отсутствием состава преступления или по недостаточности собранных по делу доказательств, а также дел, по которым состоялись вошедшие в законную силу приговоры, допускается только в силу открытия новых обстоятельств, каковыми признаются:

1) установление ложных показаний свидетелей или заключений экспертов и подложности других доказательств, на которых основан приговор или определение о прекращении;

2) преступные злоупотребления со стороны судей, постановивших приговор, или органов, производивших расследование;

3) все иного рода новые обстоятельства, доказывающие или неправильность определения о прекращении вынесенного приговора, или совершение осужденным менее тяжкого или более тяжкого по своей общественной опасности преступления, чем то, за которое он был осужден, или совершение преступления оправданным.

Новыми признаются такие обстоятельства, которые не могли быть известны при вынесении приговора или прекращении дела.

Ст. 174. Пересмотр оправдательных приговоров допускается только в течение года со дня открытия новых обстоятельств и, во всяком случае, не позже 3 лет со дня вступления приговора в законную силу.

Смерть осужденного не является препятствием к возобновлению о нем дела, по которому состоялся обвинительный приговор.

Ст. 175. Вопрос о возобновлении дела, по которому вынесен приговор или которое прекращено судом, может возбуждаться только прокурором. Прокурор лично или через органы расследования производит расследование новых обстоятельств и, признав дело подлежащим возобновлению, направляет дело в суд по подсудности дела. Суд решает вопрос в закрытом заседании с вызовом прокурора.

Дела, прекращенные органами расследования или прокурором, возобновляются постановлением прекратившего дело.

Об исправительно-трудовой политике.

(Тезисы к докладу тов. Трасковича на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР).

1. Успешная борьба с преступностью зависит не только от правильной работы розыскных, следственных и судебных органов, но и от реального выполнения судебных приговоров. Поэтому необходимы строгая согласованность и единство в руководстве уголовно-судебной и исправительно-трудовой политикой.

2. Существующее положение вещей не удовлетворяет этому требованию и характеризуется отсутствием согласованности и наличием разрыва между уголовно-судебной и исправительно-трудовой политикой и практикой. В частности, при выполнении приговоров к лишению свободы не учитывалось общественно-воспитательное значение судебных приговоров. Этими причинами в значительной мере (помимо других объективных условий) объясняются:

а) недостаточная реальность приговоров (широкое применение досрочного освобождения, искажения в практике зачета рабочих дней, неправильное предоставление отпусков и т. п.);

б) излишние трения, возникающие между судом и прокуратурой, с одной стороны, и администрацией мест заключения, с другой, при выполнении приговоров;

в) отсутствие достаточной возможности для суда влиять и нести ответственность за проведение уголовной политики в наиболее существенной стадии — в стадии выполнения приговоров.

Существующие распределительные комиссии, которые должны были бы ослабить этот разрыв, фактически ни в какой мере его не устраняют. Работа их, как показала практика, оторвана от работы суда и проходит без достаточного изучения заключенных.

3. Другими недочетами исправительно-трудовой политики, отмеченными в постановлении Правительства от 26/III—28 г., являются: а) отсутствие планомерной и достаточно выдержанной с классовой точки зрения политики в регулировании пребывания осужденных в местах заключения (совместное заключение социально-опасных элементов с случайными преступниками); б) недостаточно обоснованное допущение в ряде случаев льгот для классово-чуждых и социально-опасных элементов исключительно по формальным основаниям, в) недостаточная дисциплина в местах заключения как в поведении заключенных, так и в деятельности органов надзора; г) слабое руководство наблюдательными комиссиями; д) недостаточное участие в работе наблюдательных ко-

миссий элементов общественного контроля; е) недостаточное внимание перевоспитанию заключенных, принадлежащих к рабоче-крестьянской молодежи, и т. д.

Указанное в п.п. 2 и 3 вместе взятое ставит вопрос о необходимости коренной реформы исправительно-трудового дела.

4. Необходимость реформы исправительно-трудового дела вызывается еще и следующими причинами:

а) необходимостью замены таких мест заключения, как изоляторы и исправдома, иными исправительно-трудовыми учреждениями (фабрично-заводскими и сельскохозяйственными колониями и др.) в отношении основной массы осужденных из числа трудящихся, в соответствии с директивой Правительства от 26/III—28 г., согласно которой полная изоляция, как мера социальной защиты, должна применяться лишь в отношении классовых врагов, деклассированных преступников—профессионалов, рецидивистов, лиц, учинивших особо опасные преступления, хотя бы и из числа трудящихся;

б) той же директивой о максимальной замене в отношении социально-неустойчивых (появляющихся особо социально-опасными) элементов краткосрочного лишения свободы другими мерами социальной защиты, которые в существующей системе УК и ИТК или вовсе отсутствуют, или фактически не развернуты;

в) введенном относительно неопределенных приговоров, что требует не только устранения указанного выше разрыва уголовно-судебной и исправительно-трудовой практики, но и коренных изменений в практике досрочных освобождений, отпусков, зачета рабочих дней, режима и т. д.

5. В соответствии с этим, система исправительно-трудовых учреждений должна быть изменена и сведена к следующим трем основным видам: а) исправительно-трудовым учреждениям для осужденных, б) домам предварительного заключения и в) трудовым домам для несовершеннолетних. Исправительно-трудовые учреждения для осужденных, в свою очередь, делятся на: 1) трудовые колонии, 2) местные лагеря принудительных работ для краткосрочных, 3) изоляторы и 4) концентрационные лагеря. В качестве особой меры в Угол. Код. должна быть предусмотрена ссылка.

а) Трудовые колонии в системе мест заключения должны занять центральное место. В них должны содержаться осужденные трудящиеся, кроме тех, в отношении которых суд пришел к необходимости назначить иные более суровые меры социальной защиты. Условия режима в колониях должны ориентироваться на воспитательно-трудовое воздействие.

б) В местных лагерях принудительных работ должны содержаться осужденные к принудительным работам на срок свыше 6 месяцев, в отношении которых эта мера будет признана целесообразной судебным приговором.

в) В изоляторах должны содержаться категории осужденных, упомянутые в п. 4 «а». Режим в изоляторах должен ориентироваться, главным образом, в сторону реальной изоляции заключенных от внешнего мира, с обязательным использованием их на соответствующих задачах изоляции работ.

г) В концентрационных лагерях, организуемых в отдаленных местностях, должны содержаться: 1) преступники-профессионалы и рецидивисты, осужденные за социально-опасные действия, 2) та часть отбывающих заключение в изоляторах, в отношении которых будет установлена возможность перевода их из изолятора в условия смягченного режима концлагерей.

д) В ссылке должны находиться преимущественно лица из классово-враждебных слоев, сопротивляющиеся политике Советской власти в силу своих классовых интересов, наывков, идеологии, а также та часть освобождаемых из изоляторов, степень социальной опасности которых потребует этой меры. Кроме того, в ссылке в исключительных случаях могут находиться и трудящиеся, осужденные за преступления из раздела «Социально-вредные действия». (См. тезисы об «Основных принципах пересмотра УК»).

е) В домах предварительного заключения должны содержаться исключительно следственные или пересылные.

Ныне существующий тип исправтруддомов и переходных домов заключения, как доказавший свою нежизненность, надлежит упразднить.

6. В системе учреждений по борьбе с детской преступностью пока не отведено должного внимания трудовым домам для несовершеннолетних правонарушителей. При неблагоустройстве существующих домов несовершеннолетние правонарушители систематически бегут на улицу к рецидиву. Механическое снижение срока лишения свободы несовершеннолетним (ст. 50 Уголовного Кодекса РСФСР) и сама практика дозирования этих сроков вступает в противоречие с задачами воспитательно-трудового воздействия на несовершеннолетних.

Поэтому, учитывая социальную опасность кадра несовершеннолетних правонарушителей, необходимо, наряду с проведением в жизнь всех тех мероприятий, которые намечены трехлетним планом, утвержденным ВЦИК и СНК РСФСР, чтобы:

а) все наиболее социально-опасные несовершеннолетние правонарушители были размещены в трудовых домах для несовершеннолетних (реформаториумах);

б) режим этих трудовых домов был приспособлен к предупреждению возможного рецидива как путем надлежащей изоляции, так и, главным образом, путем перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей и подготовки их к задачам трудовой жизни по выходе из трудовых домов.

7. Досрочное освобождение, зачеты рабочих дней, предоставление отпусков заключенным, и другие элементы так называемой «прогрессивной системы» при отбывании лишения свободы до настоящего времени, несмотря на указанные выше недочеты, являлись существенными звеньями в исправительно-трудовой политике пролетарского государства.

Поэтому, в целях исправления существующей практики и впредь до проведения коренной реформы Уголовного Кодекса и исправительно-трудовой системы, необходимо:

а) устранить из практики применения досрочного освобождения, зачета рабочих дней, отпусков и т. п., все те извращения, которые имели и продолжают иметь место в ущерб реальности репрессий и борьбе с преступностью. Помимо указываемых в законе условий, при предоставлении отпусков, зачетов, досрочного освобождения, необходимо в каждом отдельном случае более строго считаться с задачами судебной политики данного момента и не допускать применения этих мер к определенным категориям преступников, в отношении которых в тот или иной период проводится усиленная репрессия;

б) трехчленное деление заключенных, в смысле пользования различными льготами, на разряды (начальный, средний и высший) и самую систему, установленную нынешним Исправительно-Трудовым Кодексом, как чрезвычай-

чайно сложную и искусственную, пересмотреть в сторону упрощения, с предоставлением права определять применение льгот вновь организуемым наблюдательным комиссиям с большим участием общественных элементов.

8. Культурно-воспитательная работа в местах заключения должна в большей мере, чем это имело место до настоящего времени, ориентироваться на специфические задачи борьбы с преступностью. Для этого необходимо:

а) обслуживать в первую очередь культурно-воспитательной работой заключенных из трудящихся; особое внимание при этом должно уделяться работе среди рабоче-крестьянской молодежи;

б) приспособить методы, объем и программы к типам исправительно-трудовых учреждений и составу заключенных;

в) добиваться повсеместной организации профессионально-технического обучения и полной ликвидации неграмотности;

г) решительно устранить наблюдающуюся местами практику передачи фактического руководства воспитательной работой заключенным из числа классово-враждебных элементов.

9. Организация работ в исправительно-трудовых учреждениях по большей части малоудовлетворительна, а местами работы полностью отсутствуют. Принцип самокупаемости пока проводится без должной энергии и инициативы.

Поэтому во всех существующих исправительно-трудовых учреждениях должны быть организованы принудительные работы так, чтобы достигались:

а) полная самокупаемость или, во всяком случае, минимальная затрата средств со стороны государства;

б) обязательное вовлечение в работу всей массы заключенных;

в) усвоение заключенными таких кустарно-ремесленных или производственных знаний, которые впоследствии, при выходе из исправительно-трудового учреждения, могли бы облегчить приискание заработка и возможность жить общественно-полезной жизнью;

г) возможно широкое развитие в изоляторах работ в камерах;

д) организация внешних массовых работ в колониях.

По тем же принципам должны быть организованы работы и в проектируемой системе исправительно-трудовых учреждений.

10. Для обеспечения правильного режима во всей системе исправительно-трудовых учреждений необходимо:

а) усилить ответственность и расширить полномочия начальников мест заключения по вопросам администрирования;

б) усилить борьбу с наблюдающимися случаями произвола, грубости, явлениями разложения и распущенности в составе надзора, с практикой ослабления режима на почве протекционизма и т. п., введя более строгую систему дисциплинарной и судебной ответственности;

в) принять со стороны прокурорского надзора такие меры, которые устраняли бы неподачу жалоб заключенными из-за боязни репрессии;

г) усилить элементы самодеятельности заключенных-трудящихся в колониях (производственные совещания, конкурсы, соревнования и т. п.).

11. Констатируя совершенно неудовлетворительное нынешнее состояние принудительных работ и считая, что они должны занять, согласно нового закона о них, одно из центральных мест в системе мер социальной защиты, признать необходимым:

а) широко популяризировать значение нового закона о принудительных работах;

б) в большей мере к организации их привлечь внимание низовых советских органов и общественности;

в) добиться организации принудительных работ там, где их нет, и осуществлять реальное руководство и надзор за ними;

г) повести решительную борьбу с извращениями, наблюдающимися в этой области (система откупов, фиктивность работы и т. п.).

12. Ряд искажений в исправительно-трудовой практике не встречал достаточно активного вмешательства со стороны органов прокурорского надзора. Если в решающей мере такие факты объясняются ведомственным отрывом мест заключения и организаций принудительных работ, то ни в малой степени их приходится признать, как результат и показатель недочетов работы прокурорского надзора по наблюдению за местами заключения. Благодаря недостаточно серьезному вниманию этой области работы, поверхностному и зачастую формальному характеру посещений и обследований, грубейшие извращения подчас совершенно ускользали из поля зрения прокуратуры, несмотря на частые посещения и обследования.

Поэтому необходимо:

а) уделить большее внимание наблюдению за правильным проведением исправительно-трудовой политики;

б) наблюдению придать глубокий характер с тем, чтобы своевременно быть в курсе и принимать меры к устранению наблюдающихся нарушений и искажений в исправительно-трудовой практике;

в) не ограничиваясь наблюдением за строжайшим проведением классовых принципов, установленных в основных началах исправительно-трудовой политики, проявить максимальную инициативу, настойчивость и оказывать повседневное содействие в создании условий, необходимых для правильного функционирования исправительно-трудовых учреждений.

13. Однако, все указанные выше и аналогичные им мероприятия неизбежно будут носить характер полумер, пока существует упомянутый выше организационный разрыв в руководстве исправительно-трудовой и уголовно-судебной практикой, в резкой форме выявляющий свои отрицательные стороны в деле борьбы с преступностью.

В виду этого, а также принимая во внимание введение института относительно неопределенных приговоров и предстоящую реформу Уголовного Кодекса, требующих ближайшего участия судебных органов в стадии выполнения приговоров, необходимо:

а) передать места заключения из ведения НКВД в ведение НКЮ;

б) упразднить распрекомиссии с тем, чтобы одна часть их функций была передана судам, а другая часть — наблюдательным комиссиям (как, например, зачет рабочих дней, спуска на полевые работы, досрочное освобождение по болезни и др.).

14. Для улучшения работы наблюдательных комиссий необходимо:

а) организовать при исправительно-трудовых учреждениях наблюдательные комиссии с таким расчетом, чтобы каждая из них охватывала не более 200 заключенных;

б) состав наблюдательных комиссий установить в количестве не менее 5 членов, обязательно включив: одного представителя от суда (председателя комиссии), одного представителя от администрации мест заключения и не менее трех представителей от общественных организа-

ций (профсоюзов, административно-правовых секций, женотделов, комсомола, народных заседателей и др.);

в) организовать работу наблюдательных комиссий так, чтобы они не ограничивались только просмотром поступающих к ним заявлений, а индивидуально изучали бы заключенных и принимали бы активное участие в деле улучшения работы данного исправительно-трудового учреждения;

г) возложить на суды созыв периодических пленумов и инструктивных совещаний наблюдательных комиссий.

15. На основе указанных положений приступить к немедленной переработке Исправительно-Трудового Кодекса.

Новая структура НКЮ.

1526

Мы считаем необходимым на страницах «Еженедельника Советской Юстиции» осветить вопрос о том, чем вызвано постановление Коллегии Н. К. Ю. от 14/VI об организации Оргинстра. Освещение этого вопроса даст возможность местным судебным-прокурорским работникам и всему аппарату Н. К. Ю. усвоить проводимую Коллегией Н. К. Ю. линию на единство руководства всей работой органов НКЮ, в связи с чем и принято это изменение в структуре Наркомата.

Судебным и прокурорским работникам хорошо известно, что одним из основных дефектов сложившейся в течение ряда лет структуры Н. К. Ю. было несколько оторванное друг от друга существование двух основных отраслей работы Н. К. Ю.—судебной и прокурорской. Эта оторванность, в свою очередь, очень часто на местах приводила к нездоровому противопоставлению, вызывала и служила тормозом в практической повседневной работе.

Обусловливалась эта оторванность двумя категориями причин. С одной стороны, исторически сложившееся развитие органов советской юстиции привело к тому, что в то время как судебная система складывалась вокруг Верховного Суда, как руководящего центра практической работы судебных учреждений, в чем Верховный Суд наследовал прежнюю работу Верховного Трибунала,—работа прокурорских органов с 1922 года складывалась, как специфическая работа Народного Комиссариата Юстиции, построенная по строго централизованному принципу управления сверху. Построение судебных органов на местах было делом рук Народного Комиссариата Юстиции, но в порядке повседневной работы суды привыкли получать указания от Верховного Суда, сам же Верховный Суд был слишком слабо связан с Н. К. Ю. и работал почти самостоятельно.

Другая категория причин, обуславливающих эту оторванность, сводилась к юридически неправильному оформлению структуры Н. К. Ю. Вместо того, чтобы стремиться парализовать эту исторически сложившуюся двойственность, прежнее положение об Н. К. Ю. юридически ее закрепляло, построив Верховный Суд как не только де-факто, но и де-юре самостоятельный центр, оговорив лишь право Народного Комиссара Юстиции и Прокурора Республики опротестовывать его решения в ВЦИК.

Все это вместе, в свою очередь, привело к развитию явно односторонней тенденции, к стремлению, в частности со стороны Верховного Суда, к отпочкованию от общей системы Н. К. Ю.

Реформой, проведенной в конце прошлого года постановлением СНК РСФСР, этим нездоровым тенденциям был положен конец. Специальным постановлением С. Н. К.

Коллегия Наркомата была реформирована в том смысле, что Народный Комиссариат Юстиции был признан единственным руководящим центром всей политики судебных учреждений, в связи с чем Народному Комиссариату Юстиции были приданы два заместителя—один по судебной, другой по прокурорской линиям: Председатель Верховного Суда, с одной стороны, и Прокурор Республики—с другой. (В связи с этим, и только с этим, было проведено и юридическое, но не на деле, освобождение Народного Комиссара Юстиции от прокурорских функций).

Это, однако, было только половиной дела. Можно было, конечно, представить себе дальнейшее строение Наркомата так: Нарком, в качестве руководящей управляющей главы всей системы, и два его зама—в качестве оперативных рычагов. Такое построение, однако, не могло бы ни в коем случае быть признано удовлетворительным уже потому, что оно все же сохраняло бы двойственность строения Наркомата на две независимые друг от друга и ничем не связанные между собой оперативные части. Сущность же производимой ныне внутренней перестройки Н. К. Ю. заключается именно в преодолении этой двойственности до конца.

Коллегия Н. К. Ю. в своем постановлении от 14 июня, при принятии постановления о новой структуре Наркомата, поставила своей задачей—наивозможное объединение и оперативной работы в целях окончательного и полного до конца изжития прежней разобщенности и вытекавшего отсюда соперничества двух частей Наркомата—суда и прокуратуры.

Для этого из ведения обоих оперативных управлений были изъяты все те функции, которые непосредственно оперативного характера не имеют. Сюда в основном относятся: 1) ревизионно-инструкторская работа, 2) учетно-распределительная работа по подбору личного состава и подготовке кадров и резервов судебных работников, 3) статистика, 4) информация. Для этой, весьма существенной, работы было создано специальное Организационно-Инструкторское Управление с тремя отделами— 1) организационно-инструкторским отделом, 2) учраспредом, 3) статотделом.

Организационно-Инструкторское Управление возглавляется Членом Коллегии, подчиненным непосредственно только Наркомату.

Весь Наркомат, таким образом, в настоящее время представляется состоящим из следующих частей (управлений и отделов):

- 1) Управление Прокуратуры;
- 2) Верховный Суд;
- 3) Организационно-Инструкторское Управление;
- 4) Отдел Законодательных Предположений;
- 5) Административно-Финансовое Управление.

Оставляя в стороне вопросы структуры и компетенции других учреждений, мы остановимся несколько подробнее на вопросе о функциях Оргинстра для того, чтобы изжить здесь все неясности и совершенно отчетливо поставить перед работниками центра и мест вопрос о задачах, целях и методах работы этого управления в системе НКЮ.

Основная функция Организационно-Инструкторского Управления, как показывает самое его название, организационно-инструкторское. В частности, другими словами, его задача двоякая: ставить вопросы о наилучшей системе организации судебных и прокурорских учреждений, во-первых, и инструктировать о наилучших методах текущей работы, во-вторых.

Для того, чтобы не было неясностей в этой области, в смысле разграничения работы Оргинстра и текущей

оперативной работы управлений прокуратуры и суда, должно быть, прежде всего, четко и ясно усвоено, что область работы Оргинстра есть область изыскания новых наилучших способов построения судебных и прокурорских учреждений, и для этого изучение действующей системы с точки зрения исследования и ее достоинств и ее недостатков. Эта мысль в свое время была выпукло выражена тов. Янсоном в его выступлении на Коллегии по поводу Оргинстра, где он указал, что до сих пор эта работа проводилась группой Радус-Зеньковича, обследовавшей, по поручению РКК, все судебные и прокурорские учреждения снизу и доверху, что эта работа должна быть функцией Наркомата и должна выполняться Оргинстром.

Вот почему, наряду с текущей работой оперативных управлений, работа Оргинстра должна заключаться в глубоком изучении действующей сети, во-первых, в установлении и изучении наилучших методов строения, во-вторых, и установлении и изучении недостатков и изыскании методов к их изжитию, в-третьих. Вот почему, в свою очередь, ревизионно-инструкторская работа должна представлять из себя основной метод деятельности Оргинстра, и вот почему, как логический вывод из задуманной цели, ревизии целиком изъяты, с момента организации Оргинстра, из ведения оперативных частей.

Ревизионные обследования, которые производились в первый период работы самостоятельно по линии суда и по линии прокуратуры, а в последний период совместно по времени, но тем не менее не единым аппаратом,—эти ревизионные обследования теперь должны будут проводиться Оргинстром помощью и силами оперативных работников обоих отделов, но по плану, методам и схеме Оргинстра (конечно, эти планы, методы и схемы должны выработываться совместно с оперативными управлениями), преследуя задачу дать не только картину того, что есть, но и попытаться отыскать наилучшие способы работы.

Точно также стоит и вопрос об инструктаже. Наряду с инструктированием местных органов юстиции в текущей работе оперативными отделами или в порядке циркулярных писем, указаний, директив и пр. пр., Оргинстр инструктирует в процессе ревизий и обследований на местах, затем—инструктаж в смысле выводов на основании материалов ревизий будет производиться путем специальных директивных писем Оргинстра.

Таковы функции Оргинстра в области организационно-инструкторской. Вторая функция, которая возложена на Оргинстр с одновременным изъятием ее из ведения оперативных отделов, это—функция учета и подбора личного состава (Учраспред). И здесь опять-таки нужно четко провести разграничительную линию работы Оргинстра и работы оперативных частей.

Совершенной бессмыслицей явилось бы такое положение вещей, при котором оперативные отделы были бы лишены возможности выставлять свои соображения о перемещении периферийных работников заменять их, назначать новых и т. д. С другой стороны, однако, нельзя допустить и такое положение, при котором эта функция была бы предоставлена исключительно оперативным отделам; это значило бы построить два учраспреда и фактически два Наркомата. Наконец, вопрос о подборе личного состава включает в себя и некоторые вопросы общеполитического характера, непосредственно мало связанные тесно с вопросами деловой работы оперативных управлений и в силу этого иногда вступающие в противоречие с этими узко деловыми интересами. Сюда, на-

пример, относится вопрос об усилении рабочей прослойки среди работников суда и прокуратуры, об окоммунизировании аппарата, выдвижении новых работников из среды рабочих и крестьян и, наконец, разработка ряда мероприятий по подготовке резервов судебных работников—создание кадров и общее руководство этой работой на периферии и т. д.—одним словом, вся та совокупность общеполитических проблем, которые ставятся перед нами Партией и которые не всегда совпадают с конкретными интересами того или другого ведомства, того или другого участка, той или другой периферийной ячейки. Вот почему забота об этой стороне дела подбора работников Коллегией целиком и полностью возложена на Оргинстр.

С другой стороны, именно в целях борьбы с разобщенностью работы суда и прокуратуры, Коллегия решила и самую работу по подбору личного состава передать в Оргинстр, передав ему в этом отношении решающую роль и обязав оба оперативных управления ставить и проводить все вопросы о перемещении через Оргинстр и особую руководящую тройку при Оргинстре из руководителей Оргинстра, суда и прокуратуры.

Наконец, в Оргинстр отошли, как мы уже сказали выше, вопросы постановки статистической отчетности и выработки форм и методов этой отчетности, единых и общих для периферийных ячеек и суда и прокуратуры, и вопрос о надлежащей и серьезной постановке информации как местами центра, так и, наоборот, центром мест,—в смысле политического и фактического положения дел в органах юстиции на местах, в смысле обмена опытом и отдельными достижениями, освещения вопросов эпизодического характера, связанных с отдельными партийными, профсоюзными, советскими кампаниями по проведению тех или иных мероприятий советского строительства и т. д. Кроме этого, обработка отчетов и докладов с мест, суммирование, изучение материалов и постановка на основании их соответствующих вопросов и выводов—все это вменено в прямую обязанность Оргинстра.

Исходя из тех же соображений, Оргинстру передана в качестве его последней функции вся рационализаторская работа как в центре, так и на периферии.

Одновременно Оргинстру же передана работа, до сих пор бывшая вне управлений, работа по подготовке кадров судебных работников в части, касающейся профессионально-юридического, так сказать, образования: заведывания Высшими Юридическими Курсами, выработки учебного плана и программ для юридических курсов на местах и общее руководство ими, поддержания связи с Главпрофобром, с вузами и Коммунистической Академией, подбор курсантов для ВЮК и выдвижение кандидатов в Институт Красной Профессуры.

Что касается пропаганды права, то работа бывшего агитпропа при НКЮ передана в специальную комиссию при Оргинстре.

Таков нынешний объем работы Оргинстра.

В перспективе, однако, вырисовывается еще установление такого порядка, при котором вообще всякий руководящий циркуляр по всем отраслям работы суда и прокуратуры должен был бы согласовываться оперативными управлениями с Оргинстром.

Оргинстр должен, таким образом, явиться,—как указано, в частности, в весьма удачной формуле тов. Янсона в его тезисах к VI съезду деятелей юстиции,—«организационной формой, обеспечивающей единое руководство Наркоматом». В этом суть и значение Оргинстра.

Надлежит еще указать, что при Организационно-Инструкторском Управлении будут происходить теперь

и ревизионные совещания, на которых будут заслушиваться отчетные доклады прокуроров или председателей судов по специальным их вызовам и в связи с ревизиями.

В результате проведенной реорганизации в структуре Н. К. Ю. Коллегия НКЮ рассчитывает получить: а) значительное сокращение штатов по Наркомату, б) строгое разграничение и уточнение функций прокурорского управления и Верховного Суда; в) ясность и четкость во взаимоотношениях отдельных функциональных частей Наркомата и, что самое главное, г) единое руководство делом строительства судебных учреждений НКЮ, как единого Наркомата.

В частности, уже в текущем 1928/29 году Оргинстр поставил перед собой следующие весьма серьезные и колючие задачи в области улучшения всей работы местных органов НКЮ:

1. В связи с административным районированием НКЮ предстоит большая организационная работа по обобщению опыта краевых и областных объединений. Отсюда вытекает задача разработки типовой структуры судебных учреждений с учетом всех моментов, обусловленных опытом предыдущей работы. Наши судебные учреждения не только должны быть приближены к обслуживанию населения и ему доступны, но они должны подлинно отвечать предъявляемым к ним требованиям: быть четкими, гибкими и являться действительно институтом отправления революционной законности и пролетарского правосудия.

Эта задача большая, ее решение требует серьезного к себе отношения. Но она выполнима, ибо опыта для ее разрешения у судебных работников достаточно.

Новое положение о краевых, областных объединениях органов прокуратуры и суда должно быть проработано с участием местных работников. Тогда мы дадим такой тип судебных учреждений, который мы должны иметь согласно директив Партии и Правительства (решение XV Партийного Съезда).

2. Уже давно ставится со всей серьезностью вопрос о подборе личного состава и подготовке пролетарских резервов на судебную работу, о создании кадров судебных работников на продвижение и, наконец, вопрос поднятия квалификации и политической подготовленности работающих в аппарате ответственных работников суда, следствия и прокуратуры. Это—целая проблема, которая требует от нас пристального внимания в течение ближайших трех-пяти лет; но уже в этом году мы должны подвести фундамент под эти мероприятия, укрепить и сделать его неразрывным с общей нашей основной работой.

3. Все еще актуальным остается вопрос о приближении суда к населению, в особенности на селе. Итти в этом вопросе по одной линии—расширения сети судебных учреждений—значило бы впасть в глубокую ошибку и войти в противоречие с общими директивами Правительства о сокращении административных расходов. Мы уже сейчас в состоянии разрешить в основном вопрос о приближении суда к населению, иди, во-первых, по линии выводов сельских участков на территорию своего обслуживания, во-вторых, по пути правильной организации работы выездных сессий нарсуда в сельских местностях и, в-третьих, путем проведения ряда мероприятий по экономии времени граждан, обращающихся в судебные учреждения, добываясь одновременно максимального сокращения сроков прохождения дел, жалоб и упрощения

процесса их рассмотрения. Эта задача может и должна быть нами разрешена уже сейчас.

4. Мы должны безотлагательно развернуть, наконец, общественную работу суда и работу по пропаганде права, добившись максимального сдвига в этой работе. Поэтому нам нужно найти такие организационные формы и методы нашей работы, которые позволили бы судебным учреждениям, при помощи общественно-политической работы, организовать трудящиеся массы в деле проведения революционной законности и тем самым работать, как очень удачно выразился тов. Радус-Зенькович, не оголешию, а с массовыми общественными организациями, выращивая из их среды актив и на него опираясь. Эту задачу, равным образом, уже сейчас поставил перед собой Оргинстр. Конечно, ее мы полностью также скоро не разрешим, но формы, способы и методы этой работы можно найти уже сейчас, и она должна стать неотъемлемой составной частью повседневной работы нашего аппарата.

5. Эти основные вопросы должны быть дополнены мероприятиями по организации товарищеских судов на предприятиях и примирительных камер на селе—мероприятиями, могущими быть в общих чертах охарактеризованными, как перерастание нашей низовой ячейки народного суда, как государственного института, в общественный товарищеский публично-правовой институт социалистического типа. Работа в этом направлении, равным образом, сейчас ставится нами уже практически. Наблюдение за тем, чтобы она пошла именно по этому указанному программой Коммунистической Партии руслу и не уклонилась в сторону привития необщественных методов при рассмотрении споров в товарищеских судах,— вот еще одна большая практическая задача, которая уже сейчас встала перед нами.

Вот часть наиболее крупных вопросов, стоящих перед Н. К. Ю. и возложенных на Организационно-Инструкторское Управление уже на этот год.

Какими же методами думает Оргинстр работать? Этих методов три:

- 1) обобщение опыта местной работы и правильная связь с местами;
- 2) постановка образцовой работы в типовых камерах нарсуда, следственных камерах, судисполнительских и прокурорских участках и
- 3) соответствующее инструктирование в этом отношении краевых, областных и губернских периферийных организаций.

Можно надеяться, что новая структура Н. К. Ю. даст возможность, обеспечив единое руководство, при строгом разграничении функций с оперативными отделами, в дружном поступательном движении всех вместе, итти вперед, борясь за укрепление революционной законности, улучшение нашего аппарата и укрепление его авторитета.

Многое в этом отношении должен дать VI съезд работников юстиции и углубленная его работа на основе внутрирабочей демократии, самокритики и проявления максимальной инициативы в деле улучшения судебного и прокурорского аппарата и осуществления классовой пролетарской линии при проведении революционной законности в жизнь.

А. Стельмахосич.

Новый порядок увольнения в связи с сокращением штатов.

Постановлением НКТ от 8 февраля 1928 г., согласованного с ВСНХ и ВЦСПС (газета «Труд» № 54 от 31/III с. г.), вводится целый ряд дополнений к п. «а» 47 ст. Трудового Кодекса, которые будут иметь весьма важное значение при разрешении трудовых конфликтов о неправильных увольнениях.

Для практических работников в области разрешения трудовых конфликтов было бесспорно, что п. «а» 47 ст. Кодекса Законов о Труде нельзя было буквально толковать по ее текстуальному изложению. Нельзя было себе представить, что сокращение рабочих и служащих должно обязательно сопровождаться полной или частичной ликвидацией работ.

Такое положение приводило бы фактически к тому, что при явном наличии лишней рабочей силы, ее все же сокращать нельзя, так как работа оставалась та же, что и до сокращения. Несмотря, однако, на ясность этого вопроса, он все же вызывал споры по поводу различного толкования сокращения.

При существующей жизненной практике в этом вопросе Наркомтруду оставалось ее лишь только закрепить. Поэтому 1-й пункт указанного постановления вполне ясно определяет, что под сокращением надо понимать упразднение штатной единицы, не ставя его в зависимость от сокращения работ. В этом же пункте вводится новая система предварительной подготовки к сокращению штатов. По коллективным договорам этот метод сокращения применялся и до опубликования постановления НКТ.

Наниматель обязан заблаговременно ставить в известность комитеты рабочих и служащих о предстоящих увольнениях. При чем извещение не должно носить чисто формальный характер, но местный комитет должен быть поставлен в известность, в связи с чем и какие мероприятия сопровождают предстоящее сокращение штатов. Конечно, из этого не следует делать вывода, что наниматель обязан получить предварительную санкцию от местного комитета на сокращение штатов. Однако, комитеты рабочих и служащих должны быть в полной мере ознакомлены с предстоящим изменением в штатах, чтобы иметь возможность выявить правильность самого факта сокращения.

Как быть, когда такого извещения местным профессиональным организациям не было? Случаи неизвещения, особенно со стороны мелких нанимателей рабочей силы, где иногда даже не имеется делегата, будут иметь место весьма часто. В таких случаях, нельзя, конечно, признать, что раз нарушена форма, то сокращение произведено неправильно. Следует лишь при разрешении конкретного конфликта потребовать представления суду доказательств о наличии сокращения штатных единиц. Не исключена возможность, а в практической работе это и теперь применяется, допускать представителей местных комитетов по требованию трудящихся для изложения своих соображений по поводу состоявшегося сокращения, что в свою очередь может зачастую помочь суду разобраться в правильном разрешении конфликта.

Само собой разумеется, что извещение делегата о предстоящем сокращении не может избавить нанимателя от извещения местного комитета, как прямо указано в постановлении НКТ. Таким образом, можно сделать прямой вывод, что при сокращении штатов перед местными ко-

митетами стоит задача всестороннего выявления фактических обстоятельств, сопровождавших упразднение должностей, и этим самым помочь правильно разрешить возникающие по этому поводу трудовые конфликты.

В пункте 2-м постановления НКТ вводится совершенно новая практика, в порядке намечения кандидатур, предстоящих сокращению. Права администрации в отношении подбора лиц, персонально, вовсе урезаны.

За 2 недели до увольнения администрация обязана опубликовать список, кто персонально будет уволен. Очевидно, что основная цель публикации списка направлена к тому, чтобы придать сокращению штатов публичность в том смысле, чтобы каждый работник предприятия или учреждения смог бы высказать через комитеты рабочих и служащих свои соображения о правильном назначении кандидатур к сокращению.

Встает наряду с этим вопрос, является ли публикация персональных списков увольняемых предупреждением об увольнении, а в связи с этим и последствия, предусмотренные 88 ст. Трудового Кодекса, в смысле увольнения без выходного пособия. Такое толкование привело бы к тому, что этим постановлением аннулируется выходное пособие.

Нужно прямо сказать, что вывешивание списков ни в коем случае не может освободить нанимателей от письменного предупреждения каждого увольняемого в отдельности о предстоящем сокращении.

Само по себе понятно, что невывешивание списков администрацией не может являться бесспорным фактом неправильного увольнения. Задача органа, разбирающего конфликты, дополнить пробел в том отношении, чтобы собрать все данные, характеризующие правильность увольнения.

Те из трудящихся, которые считают неправильным внесение их в список сокращенных, могут обращаться для оспаривания предстоящего увольнения в РКК. Обязательное обращение в РКК исключает возможность выбора трудящимся инстанции для разрешения своего спора, т.е. также обращения в суд. До окончания 2-недельного срока или до того момента, когда трудовые отношения сторон не прекратились, суд не может заниматься вопросами пересмотра кандидатур, предстоящих увольнению.

Бесспорно, что по значительному количеству конфликтов о замене кандидатур в списках, соглашение не будет достигнуто в РКК. Может ли в этих случаях суд заменить РКК... По нашему мнению, суд должен заниматься исключительно разрешением споров по уже состоявшимся увольнениям, но ни в коем случае не выносить решения о запрещении увольнять в будущем. Такие решения пришлось бы выносить, поскольку увольнение еще не состоялось и спор идет именно о том, чтобы в будущем его не увольняли.

Вместе с тем, до момента фактического недопущения к работе администрация может изменить свое распоряжение об увольнении, и таким образом вмешательство суда является преждевременным. Трудящемуся не следует только откладывать разрешение спора, и тут же в день недопущения к работе обратиться в суд. Протокол РКК, по которому не достигнуто соглашение, может послужить материалом при разрешении конфликта.

Возможны случаи явно недобросовестного отношения к своим обязанностям со стороны лиц, намеченных к сокращению, в последние 2 недели, когда вывешены списки. В этих случаях, безусловно, не исключена возможность увольнения до истечения 2-недельного срока, по другим основаниям, предусмотренным 47 ст. КЗоТ.

Для того, чтобы избежать сокращения, администрация обязана принять меры частичного сокращения рабочей недели или рабочего дня, если это представляется возможным по условиям работы, с тем, чтобы сокращения штатов не производить. Все эти вопросы должны разрешаться администрацией совместно с профсоюзами.

Не исключены и случаи, когда трудящиеся требуют от суда восстановления в должности по мотивам возможности сокращения рабочего времени, особенно в тех случаях, когда между администрацией и профорганизациями не будет договоренности на сей счет. Могут ли судебные органы заниматься разрешением такого рода споров?

По нашему мнению—ни в коем случае.

Прямое указание в постановлении НКТ (п. 3), что эти вопросы подлежат разрешению по профсоюзной линии, исключает возможность обращения в суд. При отсутствии договоренности профсоюзы могут принять все возможные меры профсоюзного воздействия на администрацию с тем, чтобы отстоять свое предложение, но ни в коем случае нельзя возлагать на судебные органы разрешение споров о возможности ограничения рабочего времени.

Для того, чтобы избежать сокращения, администрация должна перевести увольняемых, конечно, при их согласии и если у нанимателей имеется работа, на временную или однородную работу. Пределы обязательств, возлагаемых на администрацию, весьма значительны. Вопрос ставится о возможном переводе не только в пределах одного учреждения, но гораздо шире, а именно треста и ведомства, находящегося в том же районе. Иначе говоря, одно из предприятий треста, производящее сокращение штатов, обязано заранее через трест выяснить, не может ли быть использована на постоянной или временной работе в другом предприятии сокращаемая рабочая сила. И лишь после этого оставшаяся излишняя рабочая сила может быть уволена.

Разрешение всех вопросов, связанных с установлением, на какие должности и какое количество могут быть переведены из числа увольняемых по сокращению штатов,—возлагается на администрацию и местные комитеты. Поэтому доводы о том, что увольнение неправильно по тем мотивам, что в другом предприятии того же треста принят другой работник,—не могут являться бесспорным фактом в том смысле, что увольнение по сокращению произведено неправильно. Право на иск может возникнуть лишь тогда, когда между администрацией и местным профсоюзным комитетом имеется определенная и точная договоренность, кто и куда должен быть переведен. В остальных случаях, когда соглашения не имеется, суд не должен заменять местные комитеты в вопросах подыскания работы предстоящим сокращению.

Наряду с этим возникает и другой вопрос. Как принудительно произвести перемещение сокращаемых на другое предприятие? Не надо при этом забывать, что каждое предприятие треста является в большинстве своем самостоятельной хозяйственной единицей.

Для того, чтобы не было такого положения, когда из одного предприятия работника уволили, а в другом его не приняли бы, необходимо предварительно как администрации, так и местным комитетам договориться с администрацией нового предприятия через трест или вышестоящее ведомство, на какую должность и кто должен перейти. При наличии такого письменного согласования необходимо вызывать в суд в качестве соответчика предприятие, куда сокращаемые должны были быть переведены, и если будет признано наличие указанных должностей, суду надлежит обязать соответчика допустить

к работе уволенного с другого предприятия по сокращению штатов. Отсутствие соглашения по этому вопросу с новым нанимателем, а иначе нельзя рассматривать новое предприятие, не дает возможности принимать меры припудительно-судебного воздействия.

Практикой по разрешению трудовых конфликтов (то же самое установлено коллективными договорами) исключена возможность полного распоряжения нанимателей в отношении подбора работников при сокращении штатов. При равной квалификации и производительности труда суд всегда занимался проверкой, не обойден ли при увольнении вопрос о материальной обеспеченности увольняемых. Однако, почти всегда наниматели выдвигают мотивы об их полном праве подбора работников при сокращении, без учета материального положения, что естественно создавало целый ряд конфликтов.

Постановлением НКТ (п. 5) материальная обеспеченность увольняемых должна быть принята во внимание при увольнении по сокращению штатов. Таким образом, споры в этом отношении в принципиальной его постановке должны отпасть.

Что касается отдельных видов льгот, установленных указанным постановлением, они представляются в таком виде: при равной квалификации и производительности труда отдается предпочтение в оставлении на работе следующим категориям работников: семейным, при наличии 2 и более иждивенцев. Очевидно, что 2 иждивенца есть тот минимум, на который распространяется обязательное применение льгот. Если же у сокращаемых имеется по одному иждивенцу или вовсе нет иждивенцев, то преимущественное оставление на работе женатого, если жена не работает, перед одиноким, не является обязательным по этому постановлению. Однако, последнее решающее слово в этом вопросе должно принадлежать суду, который обязан учесть и материальные условия и дать свое заключение по поводу состоявшегося увольнения. Споры такого порядка следует рассматривать как споры конкретного факта, по которым суду придется всегда иметь свое суждение, в зависимости от обстоятельств дела.

Если у увольняемых больше 2 иждивенцев, то естественно, что преимуществом пользуется тот из трудящихся, который имеет количественно больше иждивенцев.

При сокращении штатов необходимо также учесть, нет ли в семье других работников, имеющих заработок.

Преимуществом пользуются те из трудящихся, в семье которых нет других работников. Кроме того, пользуется преимуществом при сокращении штатов начальствующий состав Рабоче-Крестьянской армии. В этом отношении необходимо учесть, что льготами не пользуется административно-хозяйственный состав, обслуживающий исключительно в техническом отношении тыловые учреждения (бухгалтера, делопроизводители и т. п.) (см. разъяснение Пленума Верховного Суда от 7/V—28 г., «Судебная Практика» № 9).

Наряду с указанными группами пользуются преимуществом при сокращении члены Всесоюзного Обва Политкаторжан и ссыльно-переселенцы.

В случае возникновения спора о преимуществе между лицами той или иной группы, следует исходить из конкретных обстоятельств каждого конфликта в отдельности.

Весьма ценны будут в этом отношении указания местных профорганизаций, с которыми необходимо считаться при разрешении такого рода споров.

Следует ли считать преимуществом продолжительность работы?

По нашему мнению, никаких преимуществ в этом отношении предоставлять не следует, за исключением, конечно, тех случаев, когда это предусмотрено колдоговорами.

Несмотря на кажущуюся ясность рассматриваемого нами вопроса, необходимо указать, что споры о восстановлении в должности, по причинам неправильного применения постановления НКТ о сокращении штатов, требуют от судебных органов чуткого и внимательного отношения к такого рода конфликтам. Особенно важно внести ясность при разрешении споров судом, для того, чтобы избежать в дальнейшем дублирования исков. Дело в том, что восстановление в должности по сокращению штатов должно обязательно сопровождаться увольнением другого работника, и на практике мы имеем следующие явления.

Восстановили одного работника, а через несколько дней предъявляет иск вновь уволенный по тем же причинам: неправильного учета материального положения при сокращении.

Для того, чтобы избежать в известной мере перепукного конфликтования при разборе таких дел, ведение судебного дела должно быть поставлено в следующем порядке: ни истец, ни профсоюзные организации не обязаны указывать при подаче искового заявления, кто из оставшихся на работе обеспечен материально больше, чем уволенный.

Необходимо лишь указать свое материальное положение, представив в подтверждение доказательств, и просить суд проверить материальное положение или квалификацию оставшихся работников.

Нельзя заставить трудящегося или профорганизацию указывать, кого персонально увольнять. Вопросами увольнения занимается администрация, в установленном законом порядке, а суд обязан проверить, насколько правильно соблюдено существующее трудовое законодательство.

Таким образом, при разборе указанных исков ответчик обязан представить суду доказательства: 1) о материальном положении оставшихся на однородной работе (если, примерно, спор идет о сокращении счетовода, то необходимо представить сведения о всех счетоводах); 2) о квалификации как уволенного, так и оставшихся работников, и 3) другие данные, которыми руководствовалась администрация, увольняя именно данного истца.

При наличии указанных доказательств суд сможет всегда выявить, правильно или неправильно было произведено увольнение при сокращении. В тех случаях, когда представленные доказательства ответной стороной показывают, что должен быть сокращен другой работник, следует, по нашему мнению, признать целесообразным привлечение к участию в деле в качестве 3-х лиц на стороне ответчиков, тех работников, которые по мнению суда имеют меньше преимуществ, чем истец по разбираемому конфликту. Потому, что в итоге они должны быть уволены взамен восстанавливаемых.

Такое положение вполне жизненно. Нельзя в отсутствие заинтересованных лиц разрешать вопросы, связанные с оценкой квалификации и материального положения, тем более, что от этой оценки зависит дальнейшая возможность работы в учреждении, где происходит сокращение штатов.

Нельзя в рамках статьи исчерпать полностью все детали процесса, сопровождающие конфликты о восстановлении в должности. Но несомненно, что наиболее сложные иски, требующие особой внимательности, — споры о восстановлении в должности по признакам материаль-

ной обеспеченности, в связи с чем высказанные соображения являются лишь наметкой при разрешении такого рода конфликтов.

Е. Ш л р е в л и й.

К проекту Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР

Я хотел бы в настоящей статье остановить внимание работников юстиции, главным образом работников пизовой сети судебно-следственного аппарата на некоторых моментах проекта УПК, выдвигаемых некоторыми товарищами с мест в дискуссионном порядке («Е. С. Ю.» № 36—37, стр. 976).

1) Так, например, один из них, т. Корженевский, считает совершенно нецелесообразным включение в число дел частного обвинения перечисляемые в ст. 3 проекта УПК дел по пункту А 162 ст. УК, т.-е. простую кражу. Полагаю, что кражу, какая бы она ни была, делом частным, могущим возбуждаться только по жалобе потерпевшего, считать нельзя. Опасаясь, что в связи с таким законопроектом любой потерпевший согласится скорее получить от вора часть похищенного и прекратить дело, чем ждать осуждения, с сомнительной возможностью, если украденные вещи не отобраны, получить их назад и в перспективе также может быть ждать мести со стороны вора. В связи с этим создается перспектива легкой наживы. Украл, мол, помирился, и дальше можно безнаказанно это же продолжать, и т. д. Мне думается, что такой взгляд неверен и вот по каким соображениям: подавляющее большинство дел этой категории носит мизерный, незначительный характер: украл узелок, платок, выгащил кошелек, в котором 5—6 руб. денег. И если вор, задержанный потерпевшим, возвратил похищенное, то зачем в это дело вмешиваться органам следствия и суда. Неужели лишь для того, чтобы впоследствии прекратить дело в порядке прим. к ст. 6 УК. Это выйдет, что дело на пятак, а шуму на рубль. Правда, иная кража может носить дерзкий по своему виду характер, иногда она может иметь и общественное значение, но в последнем случае органы следствия, суда и прокуратуры могут вмешаться и придать ему публично-правовой характер. Никакого разнобоя в данном случае не будет. Опасение легкой перспективы наживы тоже неверны, ибо вора-рецидивиста исправить мерой социальной защиты вообще немыслимо, а, во-вторых, если сам потерпевший махнул рукой на украденные у него вещи и не находит нужным хлопотать о их розыске, по той ли причине, что вещь малоценна, или другим каким соображениям, это его ума-разума дело, то зачем же, повторяю, здесь услуги органов НКВД и НКЮ. Выходит так, если у кулака или торгаша вытащили трешницу и он махнул рукой на такой мизерный для него убыток, считает для себя более обременительной процедурой заявку о краже, то милиция, уголовный розыск должны вытянуться в нитку и пайти этого вора, и с удовлетворением преподнести потерпевшему похищенную трешницу, так что ли? Мне могут возразить, что объектом жертвы преступления может оказаться не кулак и вообще не зажиточное лицо, а бедняк-крестьянин, скопивший копейки на приобретение хотя бы коровенки. Не будем, однако, забывать о том, что мы уже не повички, что мы всегда сумеем установить и серьезность и общественное значение и, если понадобится, придадим делу публично-правовой характер. Но чтобы такое положение было без исключения, зачем это? Мы будем подходить к жизнен-

ным явлениям с определенной классовой установкой и нет основания опасаться, что в этой работе могут быть пробелы. Вот почему взгляд автора я считаю неверным и его опасение за будущее шатким.

2) Не согласен я с мнением того же автора и о том, что отобрание подписки—простой формализм. Еще рано говорить о том, что наши свидетели и эксперты безгранично чисты и стремятся вместе с судом установить всегда только истину преступления. Если автор—судебный работник, а это наверно так, то он не будет отрицать того положения, что защищаемые им лица-то, свидетели и эксперты, иногда, наоборот, запутывают и в предварительном и в судебном следствии истину преступления. Причины к этому можно найти много. Они могут оказаться и родственниками подсудимых, на их показания могут влиять и другие бытовые условия, не может служить исключением и то обстоятельство, что эти лица могут быть подкуплены подсудимым и т. д. Поэтому об упразднении этого формализма подымать вопрос преждевременно. «Желающий лжесвидетельствовать, несмотря ни на какие подписки, все равно будет давать ложные показания»,—выдвигает одним из своих доводов автор. Мы в этом не сомневаемся, но вот в том-то и дело, что подписка лжесвидетеля поможет ему же пройти путь к скамье подсудимых и облегчает работу в собирании доказательств лжесвидетельства. Иначе нам придется вначале добыть доказательства, а затем ставить вопрос о предании лжесвидетеля суду. Не говоря уже о моральном последствии на свидетеля и эксперта этим формальным моментом в судебном процессе, мы должны признать целесообразным существующее положение и не подлежащим никакому видоизменению.

3) И, наконец, мне кажется неверным взгляд опять-таки того же автора о том, что двухнедельный срок на обжалование приговора можно заменить 7-дневным. Конечно, если у обвиняемого имеется защита, то в таком случае много даже трехдневного срока, но не всегда все подсудимые имеют защиту. Иной бедняк-крестьянин вдоволь находится в избу-читальню, и в сельсовет, и по всем грамотеям деревни, прежде чем найти человека, могущего написать ему кассацию. Во-вторых, пораженный приговором обвиняемый может растеряться и первые дни ничего не соображать, а иногда он может быть занят собиранием новых доказательств своей невиновности. Да и вообще мне кажется, что ставить эффект исполнения приговора за счет свободы действия обвиняемого в его стремлении доказать свою невиновность через соответствующую кассационную будет неверно.

4) Следующий товарищ, которому мне хочется возразить,—тов. Боровиков. Последний в своей заметке в том же номере «Е. С. Ю.» точно также затрагивает моменты практической работы по 162 ст. п. «а» УК, только в несколько иной плоскости. А именно, не возражая против предоставления сторонам права возникновения по этой статье дела оканчивать миром, находит целесообразным построение статьи 3 проекта, в части воспрепятствования производства по ним предварительного расследования, ссылаясь на то обстоятельство, что кражи обычно раскрываются только благодаря вскоре после их совершения принятыми мерами расследования, что на простую кражу нельзя смотреть, как на мелочь, и что без предварительного расследования доказать, что подозреваемое лицо действительно есть преступник—невозможно, что улики, способствующие раскрытию преступления, потерпевший доставить не может. Но раз потерпевший не может дать никаких следов, могущих хотя бы натолкнуть на следы преступления, то что может сделать милиция

по такой заявке. К примеру, поступила заявка от потерпевшего, что у него неизвестным злоумышленником похищены те или иные вещи, в такое-то время. Подозритель ни на кого не имеет. Что следует в конечном итоге с таким протоколом заявления? Направление в порядке п. 1 ст. 105 УПК следователю на прекращение. Не могут же работники органов дознания тратить и время и силы на розыски похищенных рукавиц, шапки и вообще мелочи. Допустим, что даже похищены ценные часы или кошелек с деньгами. Да если бы это и сделали, то реального, за исключением единичных, счастливых случаев, благодаря тому или иному совпадению, никогда не достигнут. Допустим даже, что преступник благодаря принятым мерам задержан и опознан потерпевшим, но никаких других уличающих улик, кроме сообщения потерпевшего, о том, что похититель как-будто это лицо, нет. Можно ли его предавать суду? Конечно, нет. Вот другое дело, если преступник был бы задержан во время совершения преступления или побега, или со следами преступления, тогда положение видоизменяется, но судить человека на одном голом заявлении потерпевшего, что лицо, похитившее у него деньги, есть именно то, на которое он указывает, конечно, нельзя. Заявление это должно быть подкреплено другими доказательствами или косвенными уликами и, если их не имеет потерпевший, то работники органов дознания не могут же из протокола заявления постронуть по делу обвинительное заключение или высосать доказательства из пальца, и естественно дело пойдет на прекращение. Зачем же вести в таком случае расследование, зная заранее, что вся работа пойдет на смарку? А если потерпевший обладает уликами и доказательствами, то он их может с таким же успехом предоставить и суду как органам дознания, и раз суд будет иметь доказательство, подтверждающее вину подсудимого, то зачем масло маслом мазать, зачем устанавливать установленную истину предварительным следствием. Таким образом отмена производства предварительного следствия по делам о преступлениях, предусмотренных п. «а» ст. 162 Уголовного Кодекса, на наш взгляд, вполне правильна.

5) Тот же тов. Боровиков считает целесообразным предоставлением права органу, производящему расследование, против неявившихся по вызову свидетелей, экспертов, переводчиков и понятых возбуждение уголовного преследования по 92 ст. УК. Считаю, что этим мы создадим волокиту, рост лишних судебных дел мелочного характера, в частности, приводя в защиту своего суждения следующий довод—«возбудить против неявившегося свидетеля уголовное преследование, следовательно или милиционер вынуждены все-таки вызвать его вторично и по вторичному вызову он является и без вреда для дела допрашивается, несмотря на это ему через две—три недели скамья подсудимых». Так смотреть и так рассуждать, мне думается, может человек, только незнакомый со следственной работой. В нашей следственной практике иногда не только недели и дни в смысле быстроты допроса, но и часы играют неоспоримую роль. Одно дело, допросить свидетеля через два—три часа после совершившегося преступления и другое через два—три дня, не говоря уже о неделе, когда он может столкнуться с обвиняемым или с его родственниками и дать уже совершенно иные показания. А разве не сорвет дела вызванный в комиссию квалифицированный спец, явившийся вместо пятого числа, скажем к примеру, 20. Не надо забывать, что какое бы то ни было предварительное следствие с хозяйственным или иным уклоном, но успех раскрытия преступления зависит исключительно от

быстроты следственных действий. Против этой истины, мне кажется, никто не будет возражать. Но, вот, когда свидетель или эксперт умышленно желает затормозить ход дела, желая этим дать возможность обвиняемому выкрутиться из положения, то гладить за это по головке никому не годится. Кроме того, по линии органов расследования, от выше ведомственных организаций летит циркуляр за циркуляром о том, что следствие должно протекать в быстрой форме, а по некоторой категории дел, как мы знаем, установлены самые жесткие сроки. Взять хотя бы по должностным и газетным заметкам. Так вот, если сегодня не явится свидетель, завтра эксперт и т. д., то что же получится? Ну, сделает милиционер или следователь (как выражается автор) второй вызов, и вызываемое лицо через две—три недели явится, и его можно допросить без ущерба для дела. А плановые рамки следственной работы? Их, очевидно, автор упустил из вида. Но что более всего мне кажется неверным, так это конечный вывод автора—«лицо, вызванное производящим расследование, в качестве свидетеля, эксперта, переводчика или понятого, обязано явиться по вызову. Невявка без уважительной причины, а также отказ свидетеля от показаний, а остальных от исполнения возлагаемых на них обязанностей, влечет за собою принудительные работы до 5 дней или штраф до 5 рублей, налагаемые по усмотрению органа расследования. Независимо от этого неявившийся без уважительной причины может быть подвергнут приводу». Выходит, значит, так: предо мною два протокола: 1) о неявившемся свидетеле-крестьянине, который, не имея лошади, не захотел идти в грязь 15—20 верст по вызову свидетелем, и 2) протокол неявки в комиссию какого-либо эксперта, имеющего зарплату 200—300 рублей, да частной практики столько же, или вообще какого бы то ни было зажиточного лица. Последним двум не только 5, но и 50 рублей выкинуть не составляет никакого труда, тогда как в первом случае крестьянин и за 50 коп. будет выражать неудовольствие. Конечно, недовольство это не может вызывать никаких опасений, но мне думается, что в духе нашей классовой политики было бы грубой ошибкой подводить всех вышеприведенных лиц под одну рубрику.

6) Некто М. Н. в том же номере «Е. С. Ю.», стр. 978, находит неточность во 2-й части ст. 15, говоря следующее: «они не вправе отказать подозреваемому подследственному и потерпевшему в допросе свидетелей, экспертов и собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении коих возбуждается ходатайство, могут иметь значение для дела». В интересах дела автор предлагает расшифровать и уточнить последнюю фразу в том направлении, чтобы в основе решения дополнительного собирания доказательств лежала степень значимости и целесообразности выполнения. Мне кажется, такое расшифрование, с одной стороны, совершенно излишне. Излишне потому, что работники органов юстиции вполне уясняют, как понимать оценку доказательств, и, с другой стороны, такое расшифрование невыполнимо по тем соображениям, что трудно учесть заранее все те ходатайства подозреваемого, которые могут возникнуть по тому или иному делу. Мне думается, неверна мысль автора и о том, что мы сейчас не можем вставать на такой путь, чтобы расследовать абсолютно все, а должны ограничиться охватом исключительно существа дела. Именно в следственной практике, иногда на первый взгляд, какой-то пустяк, мелочь, впоследствии играет решающее значение для дела. Полное исследование обстоятельств дела никогда не будет лишним, а вообще же, повторяю, расшифровка оценки доказательств не вызывается ника-

кой необходимостью и была бы в новом проекте УПК, мне кажется, совершенно излишней. Вот те возражения и доводы, которые мне хотелось осветить на страницах нашей печати по вопросам проекта УПК РСФСР.

Нар. следователь 2 уч. гор. Вятки *Немченков*.

г. Вятка.

Новый проект УПК безусловно упрощает процесс как в стадии следствия, так и в стадии судебного разбирательства.

Но мне кажется, что 28 ст. нового проекта УПК стесняет самостоятельность следователя в части производства экспертизы и может создать затяжку производства следствия по хоз. преступлениям.

28 ст. нового проекта говорит: «Вызов экспертов по наиболее сложным делам о хозяйственных преступлениях должен быть согласован с прокурором» (наблюдающим. И. С.).

Когда проектировали УПК, очевидно, принимали во внимание то обстоятельство, что в большинстве своем по делам о хозяйственных преступлениях производилась экспертиза (даже там, где не было такой необходимости), что создавало как затраты на экспертизу средств, так и затягивалось окончание следствия.

Но вот здесь-то и не учли того положения, что не все следственные участки находятся в одном городе и селении с наблюдающим прокурором, а большинство следственных участков находятся в районах и на довольно большом расстоянии, да к тому же с плохой почтовой связью (как Коми-Зырянская область, Уральская область и другие). Таким образом, может получиться, что следователь, находясь в отдаленности от камеры прокурора, по делу, находящемуся у него в производстве и по которому требуется производство экспертизы, должен испрашивать разрешение прокурора, а это значит написать бумагу прокурору. Прокурор, чтобы дать согласие на вызов эксперта, должен знать, насколько сложно дело, насколько необходима экспертиза (он должен знать дело). Для этого потребуется для отсылки, просмотра и возвращения дела следователю минимум полмесяца (я беру условия Владимирской губ., где некоторые следственные участки находятся в 30 верстах), а если взять другие области, то там месяца будет мало. Все это создает ненужную формально-законную волокиту и затяжку в окончании дела следствием.

Если же прокурор не будет требовать дело для просмотра, то это значит, он будет просто формально на отношении следователя писать: «Согласен» и тогда 28 ст. УПК остается «гласом вопиющего» и больше ничего, как это было с 223 ст. УПК, которая требовала составления постановления о предании суду, тогда как следователи обычно переписывали постановления милиции или угрозыска.

Вывод такой: следует ли оставлять 28 ст. УПК (нового проекта в такой редакции, в какой она предлагается).

По-моему, ст. 28 нового проекта УПК должна быть изменена. Наши следователи достаточно выросли, чтобы им предоставить самостоятельное назначение экспертиз по тем делам, где это вызывается исключительной необходимостью.

Зав. ИРО Владимирского губсуда *Садовников*.

г. Владимир.

Система мер пресечения по УПК БССР

Недавно опубликованный и действующий на территории Белорусской ССР Уголовно-Процессуальный Кодекс с 1 января 1928 г. в отношении системы мер пресечения устанавливает несколько принципиальных изменений по сравнению с УПК РСФСР ред. 1923 года.

Таковые принципиальные изменения, связанные с основами нашего уголовного судопроизводства и не имеющие аналогии в законодательствах других союзных республиках, вызывают необходимость осветить их на страницах самого распространенного и популярного юридического журнала, каким является «Е. С. Ю.».

Первой статьей из главы XII—«Меры пресечения», является ст. 143 УПК, текстуально изложенная аналогично ст. 143 УПК ред. 23 года РСФСР.

Собственно система мер пресечения изложена в ст. 144 УПК, каковой перечень является исчерпывающим и никаким распространительным толкованиям не подлежит. Закон категорично указывает в ст. 144—«Допускается применение лишь следующих мер пресечения»...

В ст. 144 УПК БССР, вместо 6 (фактически) видов мер пресечения, принимаемых УПК РСФСР в действующей редакции, указывает 4 вида, которые расположены по своей тяжести последовательно от менее тяжелой к более сильной.

В первых двух пунктах помещены меры психологического порядка, которые в будущем только грозят известными невыгодными последствиями для обвиняемого и на настоящий момент не ограничивают свободы его передвижения и распоряжения своими действиями или ограничивают его пребывание в интересах дела в определенной местности. К таковым мерам пресечения относятся подписка о невыезде (п. 1 ст. 144 УПК) и поручительство рабочих, в частности, профессиональных, крестьянских и иных общественных организаций (п. 2 ст. 144 УПК). К 2 другим мерам пресечения, ограничивающих свободу передвижения обв-го определенным узким пространством места, являются домашний арест (ст. 144 п. 3) и заключение под стражу (п. 4 ст. 144 УПК). По примечанию к ст. 144 УПК к красноармейцам войсковых частей (военным, морякам) в качестве меры пресечения может применяться ближайшее наблюдение за ними в тех частях, в которых они состоят на службе. Из текстуального сравнения ст. 144 УПК БССР и таковой же действующей редакции РСФСР видно, что УПК БССР не знает имущественных видов поручительства, как-то: в собственном смысле имущественное поручительство и залог, и затем, отвергая личное индивидуальное поручительство, вводит исключительно поручительство коллективное, да и притом только рабочих, в частности, профессиональных, крестьянских и иных обществ. организаций, приводя строго и последовательно классовый принцип.

Согласно ст. 10 «Основ угол. судопроизводства СССР и союзных республик» («С. З. СССР» № 24, от 1924 г.) лишение свободы в качестве меры пресечения по совправу может быть заменено поручительством профессиональных и иных рабочих, крестьянских и общественных организаций и что замена лишения свободы денежным или имущественным залогом не допускается.

Ст. 10 Основ явилась результатом постановления V Всерос. съезда деятелей советской юстиции о том, что «признать правильным необходимость исключения из УПК, в качестве меры пресечения, имущественного поручительства и залога». Такое положение действительно и реально верно. Ведь при наличии узаконенного имуще-

ственного поручительства и залога, нетрудящийся, заличный элемент, содержащийся под стражей, в силу своего имущественного состояния имеет возможность всегда и легче сбросить с себя тяжелую меру, как, содержание под стражей, а бедняк, но который мог бы быть освобожден из-под стражи под более серьезную гарантию, чем подписка о невыезде, всегда поставлен в невыгодные условия. Таким образом в советском уголовно-процессуальном законодательстве под такой невинной мерой пресечения протаскивался чуждый нам принцип буржуазного законодательства, облегчавший участь нетрудовых и более сильных экономически элементов.

Меры пресечения являются средством к обеспечению явки к суду и следствию обвиняемых, не преследуя каких-либо других целей. И поэтому откуп содержания под стражей деньгами и имуществом противоречит идее введения и существования мер пресечения и, кроме того, где гарантия, что обвиняемый экономически сильный элемент, внося залог и освободясь из-под стражи, не скроется, чтобы избежать карающего меча советского правосудия?

Действующие УПК союзных республик, несмотря на такое положение, все же в системе мер пресечения сохраняют эти указанные виды мер пресечения (ст. 144 п.п. 2 и 3 УПК РСФСР).

Принцип индивидуальности чужд советской государственности и обществу. И существование в нашем процессе личного индивидуального поручительства дисгармонично с классовым характером советского права и сущностью мер пресечения. Кроме того, существование индивидуального личного поручительства в процессе, в качестве одной из мер пресечения, по политическим соображениям нецелесообразно и заимствовано из чуждого нам буржуазного законодательства.

Значит, таким образом, подходя к вопросу практически, отдельный поручитель приходит в судебно-следственный орган и, высказывая свою индивидуальную волю, «выхватывает» из «цепких рук» суда жертву—«я хочу и я не хочу». Не приходится здесь уже говорить о последующей моральной зависимости обвиняемого от такого поручителя, да и, кроме того, существование индивидуального личного поручительства может породить материальные взаимоотношения между обвиняемым и поручителем, т.е. иначе наживу на освобождении, что уже совершенно резко противоположно и безобразно по отношению к целям, преследуемым мерами пресечения.

Поэтому, новый УПК БССР, в согласии с ст. 10 «Основ», окончательно исключил индивидуальное личное поручительство и в ст. 150 включил коллективное поручительство.

Проводя опять же классовую точку зрения, УПК БССР в ст. 150 вводит ограниченный вид коллективного поручительства только рабочих, профессиональных, крестьянских и иных общественных организаций, и, значит, во-первых, коллективное поручительство принимается только от таких организаций, которые имеют общественный характер (как частность указывается профессиональные организации, т.е. в данном случае закон имеет в виду те рабочие и крестьянские добровольные организации, допущенные к существованию в СССР и преследующие по уставу цели защиты экономических интересов членов трудящихся данного коллектива и повышения их культуровня и содействующие при добровольном членстве соц. и культурностроительству, как-то: (кроме профорганизаций и ИКОВ): Осоавиахим, ОДР, ОДК, Автодор и другие (классовость и общественность организации вытекает из устава ее).

Проводя до конца принцип демократичности при обсуждении такого важного вопроса, как дача поручительства, и придавая ему большую ответственность, а также избегая возможных случаев личной заинтересованности (родственные отношения, дружба и т. п.), закон говорит в ст. 150 УПК, что поручительство может быть принято следователем лишь при условии, если ему будет представлено постановление общего собрания членов данной организации (проф. союза, коллектива служащих и рабочих соответствующего учреждения или предприятия, крест. об-ва взаимопомощи и т. п.), по не их исполнительных органов (правлений, комитетов и проч.), о том, что она ручается за явку обвиняемого и обязуется доставить его к следствию или в суд по первому о том требованию.

Значит, относительно возможности дачи коллективного поручительства или по инициативе членов данного коллектива, ходатайству родственников, или уполномоченных органов (согласно ст. 160 УПК), копия постановления следователя об избрании в качестве меры пресечения—заключение под стражу обвиняемого—сообщается по месту службы обвиняемого или по сообщению следствия о возможности освобождения заключенного из-под стражи под поручительство—ставится вопрос на обсуждение общего собрания, и по большинству голосов в общем порядке решается вопрос в ту или иную сторону. В случае положительного ответа на вопрос выбирается уполномоченный, который с постановлением общего собрания является к следователю и последний, в пор. ст. 150 УПК, составляет протокол, подписываемый уполномоченным, и выдается в копии ему.

Второе то, что здесь дается большая гарантия тому, что обвиняемому будет труднее уже при желании избегать суда, т. к. наблюдение за ним поставлено большому числу лиц, гарантирующих явку обвиняемого.

Третье то, что в прежнем законе (ст. 150 УПК РСФСР) личное поручительство состояло в том, что отбиралась подписка от заслуживающих доверия лиц,—где и как и кому доверять, как понять, узнать действительные цели поручителя—было трудно следователю и в большинстве случаев он отделялся трафаретом.

Закон не дает ответа на вопрос, а какова же ответственность коллектива, в случае, если обвиняемый скроется все же, несмотря на надзор за ним со стороны членов коллектива и, в частности, какова ответственность тех членов коллектива, которые при голосовании голосовали против взятия члена их коллектива под личное поручительство.

Затем не дается ответа на такой вопрос, может ли коллектив взять обратно свое поручительство, если, допустим, обвиняемый не имел желания укрыться от следствия и суда, подорвал доверие к себе со стороны членов коллектива каким-либо неэтичным поступком, возможно, и не имеющим криминального характера, или совершил новое преступление.

В частности, введение обсуждения общим собранием возможности дачи коллективного поручительства может дать материалы следователю для суждения о характеристике данного подсудимого членами коллектива, что и необходимо для суда на осн. ст.ст. 24—25 УК старой редакции.

Основы и проект НКЮ умалчивает о том, кто даст коллективное поручительство за обвиняемого—общее ли собрание организации или правомочные органы.

Следующим видом мер пресечения является домашний арест. Текст данной статьи аналогичен тексту статьи 157 УПК ред. 23 г. В данном случае можно ска-

зать лишь одно, что по существу эта мера пресечения мертвая и практически не применяется никогда.

Для большого удобства разбора самой серьезной меры пресечения, какой является лишение свободы, я приведу полностью текст ст. 158 УПК: «Лишение свободы может быть назначено в качестве меры пресечения лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено лишение свободы или более тяжкая мера соц. защиты, и притом, только в случаях, если имеется достаточное основание считать, что обвиняемый скроется от следствия и суда, или же, что пребывание обвиняемого на свободе будет препятствовать расследованию, или если нахождение его на свободе будет признано общественно-опасным. Лишение свободы в качестве меры пресечения допускается также в случаях возбуждения в установленном порядке дела о признании обвиняемого общественно-опасным». В постановлении о заключении обвиняемого под стражу следователь или суд обязан указать, какие именно обстоятельства явились основанием заключения под стражу.

«Лишение свободы в качестве меры пресечения может быть заменено поручительством рабочих, в частности профессиональных, крестьянских и иных общественных организаций».

Из сравнения редакции ст. 10 Основ и ст. 158 УПК РСФСР видно, что последняя составлена исключительно на тексте ст. 10 «Основ». Белорусский закон, в противоположность действующему русскому закону, допускает в качестве меры пресечения лишение свободы по всем делам, по коим предусмотрено лишение свободы или более тяжкая мера соц. защиты. По ст. 158 УПК РСФСР лишение свободы в качестве меры пресечения возможно лишь по делам, при наличии оснований, обозначенных в законе, и аналогичным в общем тексту ст. 158 УПК БССР, влекущим за собой лишение свободы свыше года только. Кроме того, по УПК РСФСР лишение свободы по признаку социальной опасности деяния возможно по точно определенной категории дел, а УПК БССР, в согласии со ст. 10 «Основ», не указывает.

Признавая, что лишение свободы является очень серьезной и весьма тяжелой мерой пресечения, закон лишний раз подчеркивает, что следователь или суд обязаны указать, какие именно обстоятельства явились основанием заключения под стражу, несмотря на то, что в ст. 146 УПК (текстуально аналогичный ст. 146 УПК РСФСР) говорится о том, что следователь о принятии той или иной меры пресечения составляет мотивированное постановление, с указанием преступления, в котором обвиняется данное лицо, и основания приятия той или иной меры пресечения.

Недоумение возбуждает заключительный абзац ст. 158 УПК о том, что лишение свободы в качестве меры пресечения может быть заменено поручительством рабочих, в частности, профессиональных и т. д... организаций.

Если буквально понимать, то выходит, что лишение свободы может быть заменено только коллективным поручительством в пор. ст. 150 УПК, и если принять такое положение, то другие меры пресечения, как-то: подписка о невыезде, домашний арест, не могут заменять лишения свободы.

Принятие положения об этом противоречит ст. 161 ч. 1 УПК (аналогичной ст. 161 УПК РСФСР), говорящей о том, что принята в отношении обвиняемого мера пресечения отменяется или изменяется, когда отпадает дальнейшая необходимость в мерах пресечения вообще или меры пресечения, ранее избранной, и ст. 147 УПК (тек-

стуально аналогичной ст. 147 УПК РСФСР) предоставляет следователю «свободно», исходя из классового принципа и обстоятельств дела, принимать ту или иную меру пресечения.

Значит, логически говоря, вообще не может быть представлено такое положение нашим советским законодательством, чтобы лишение свободы всегда было и абсолютно неизменно и при отпадении всех условий, вызвавших избранную такой серьезной меры пресечения, не могло бы быть изменено, при условии если определенному трудящемуся невозможно было бы достать коллективного поручительства.

Надо думать, что выдвигаемое нами условие несущественно, или это по обстоятельствам дела не нужно. С другой стороны, при отпадении первого условия, данный пункт может толковаться таким образом, что при наличии условий, указанных в ст. 158 УПК, т.е. по делам, влекущим за собою лишение свободы или более тяжелую меру соц. защиты, при условии, если имеются «достаточные основания считать, что обвиняемый скроется от следствия и суда, или же, что пребывание его на свободе будет признано социально-опасным или будет препятствовать расследованию, в качестве меры пресечения, наряду с лишением свободы, альтернативно может быть избрано коллективное поручительство. Надо думать, что не всегда возможно применение коллективного поручительства, напр., в случае, если нахождение его на свободе может воспрепятствовать правильному расследованию. Значит, является непонятным, для чего внесен этот пункт в ст. 158 УПК, и требуется разъяснение по этому поводу высших судебных органов Республики. Надо думать, что этот абзац внесен по редакционному недосмотру со внесением в ст. 158 полного текста ст. 10 «Основ», где в заключительных словах указано: «замена лишения свободы денежным и имущественным залогом не допускается», — и в то время, как в ст. 10 приведенный текст вставлен удачно, в ст. же 158 УПК БССР он не нужен, ибо ст. 144 УПК указывает, какие меры пресечения существуют в УПК БССР.

По ст. 159 УПК БССР—лишение свободы во всех случаях, указанных в ст. 158 УПК, в качестве меры пресечения, не может продолжаться более 2 месяцев. Если по сложности дела или по другим обстоятельствам предварительное следствие не могло быть окончено к моменту истечения этого срока, таковой может быть продолжен не более, однако, одного месяца и не иначе, как по особому распоряжению прокурора, а в тех случаях, когда предварительное следствие производится следователем по важи. делам,—по распоряжению прокурора, наблюдающего за следствием.

Таким образом, белорусский закон строго подходит к возможности содержания под стражей обвиняемого и ограничивает срок такового содержания в особых случаях только 3 месяцами.

Такое положение заставляет следорганы быстрее проводить арестантские дела. Права прокурора при избрании той или иной меры пресечения в порядке ст. 146 и 2 ч. 161 УПК аналогичны текстам соответ. статей УПК РСФСР. В качестве исключительной меры пресечения закон указывает на меру пресечения, принимаемую и до предъявления обвинения. Текст ст. 145 УПК БССР аналогичен тексту таковой же статьи в УПК РСФСР.

Н. Ц.

Прокуратура на собраниях трудящихся.

(По материалам за 1927 г.)

Выступления на собраниях трудящихся — одна из наиболее существенных форм общественно-политической работы прокуратуры. Значение данной формы общественно-политической работы заключается в том, что она более чем какая-либо другая обеспечивает непосредственную связь с широкими массами трудящихся. Выступления на собраниях служат не только целям популяризации и пропаганды важнейших интересующих трудящихся законов, не только целям информации трудящихся о работе прокуратуры по борьбе с преступностью и нарушениями революционной законности: не меньшее значение имеют выступления на собраниях трудящихся, как средство вовлечения трудящихся в борьбу за революционную законность. В связи с проводимым лозунгом самокритики в особенности расширяется возможность использования выступлений на собраниях трудящихся для нащупывания и выявления неблагополучных участков борьбы за революционную законность и тех нарушений ее, которые наиболее чувствительным образом задевают интересы трудящихся.

Начиная со времени организации советской прокуратуры, из года в год работа по выступлениям на собраниях трудящихся количественно усиливается. Не представляет в этом отношении исключения и 1927 г.

По сравнению с 1926 г. количество выступлений на собраниях трудящихся лиц прокурорского надзора увеличилось с 24.913 до 33.399, т.е. на 32,9%. В среднем, на лицо прокурорского надзора падает выступлений в месяц по 25 губпрокуратурам 2,4 выступлений, по краевым и областным объединениям—1,9, по автономным областям—3.

В отношении плановости работы по выступлениям на собраниях характеризуется значительным превышением в ряде губерний намеченных плановых заданий. Выступления на собраниях в 1927 г. не в меньшей степени, чем в 1926 г., принадлежат к числу тех плановых заданий, процент выполнения которых наиболее высок сравнительно с другими видами работ. В большей части прокуратур как в первом, так и во втором полугодии выполнение работы по выступлениям на собраниях резко превышает плановые задания. Так, например, во 2 п. 1927 г. сделано докладов участковыми помощниками Самарской губ. 603 (вместо 337, предположенных по плану), Вотской обл.—168 (вместо 75), Иваново-Вознесенской губ.—234 (вместо 153), Архангельской—273 (вместо 168) и др.

Такая же, примерно, картина и по губернским камерам. Из 22 прокуратур, материалы о плановости в которых подвергнуты были детальному анализу, мы имеем недовыполнение данной работы в участках в 4 губ. и в губкамерах в 5 прокуратурах.

Распределение докладов по аудитории видно из следующих данных:

	Всего докладов	Рабоч. собр.	Из них не крестьян.	Прочих
1 п. 1927 г. . .	17.699	3.152 (17,8)	7.598 (42,9)	6.949 (30,3)
2 п. 1927 г. . .	15.700	2.323 (18)	6.542 (41,7)	6.335 (40,3)

Таким образом, относительно больший процент всех докладов падает на крестьянскую аудиторию.

Процент докладов на рабочих аудиториях снижается в национальных автономных областях до 12,8% в 1 п. 1927 г. и 10,4% во 2 п. 1927 г., в краевых и областных прокуратурах соответственно до 17 и 17,1%, в губ-

прокуратурах, наоборот, он повышается до 19,1% и 20%.

Еще более повышается этот процент в промышленных губерниях, составляя, например, в Иваново-Вознесенской губ. в 1927 г. 34,6%, Московской губ.—26,9%, Ярославской губ.—31,7%. Обращает на себя внимание незначительный процент докладов на рабочих собраниях в губерниях Сталинградской (9,4%), Тульской (15%), Вологодской (9%), Астраханской (9%).

Так как в ряде мест проявлялась тенденция к повышению числа докладов на крестьянских аудиториях за счет рабочих, Прокуратурой Республики обращено было внимание на устранение подобных неправильных уклонов и предложено усилить процент выступлений на рабочих собраниях за счет так. наз. «прочих» аудиторий.

Следует заметить, что во многих случаях указанный выше незначительный процент обслуживания рабочих собраний исключительно объясняется перегрузкой последних вопросами профессионального и обще-политического характера, вследствие чего прокурорам не удалось поставить намеченное число докладов на правовые темы.

Более тесная увязка плана общественно-политической работы прокуратуры с планом просветительной работы партийных и профессиональных организаций должна будет в дальнейшем дать большую возможность для обслуживания рабочей аудитории правовыми докладами. Следует заметить, что районирование создавало для увязки значительные затруднения. Участковый помпрокурора связан с 3—5 райкомами, и план общественно-политической работы приходится согласовывать со всеми райкомами, при чем местные райкомы обычно стремятся использовать участкового помпрокурора преимущественно в данном районе, тем самым снижается его работа в других районах.

Существующие формы статотчетности не отражают числа докладов прокуратуры в руководящих партийных и советских органах. Такие доклады делались в 1927 г. большей частью местными прокурорами и являлись одной из форм связи с местными директивными органами.

Распределение докладов по содержанию таково:

	На правовые темы	Отчетные	Прочих
1 п. 1927 г.	10.987 (62%)	2.445 (13,9)	4.273 (24,9)
2 п. 1927 г.	9.223 (58,8%)	2.573 (16,4)	3.904 (24,1)

Более высокий процент правовых докладов в национальных областях, где он в 1 п. 1927 г. равняется 65,9%, во 2 п. 1927 г.—61,4%. Из отдельных губерний резкое преобладание правовых докладов имеем по Орловской губ. (80%), Астраханской губ. (70%), Нижегородской губ. (67%), Вятской губ. (70%).

Более детальное распределение тем докладов можно дать лишь по некоторым отдельным прокуратурам, отчеты которых содержат соответствующие данные.

Темы правовых докладов в достаточной мере ориентировались и на ударные директивы руководящих органов (доклады на темы о роли прокуратуры и суда в борьбе за снижение цен, с бюрократизмом, волокитой и т. д.).

Что касается содержания докладов перед местными руководящими органами, то часть их носила информационно-отчетный характер, часть касалась состояния революционной законности в тех или иных районах, часть же, на основании обобщений и анализа имевшихся в распоряжении прокурора материалов, выдвигала ряд

инициативных вопросов и предложений как по линии усиления борьбы с преступностью и нарушениями революционной законности, так и по линии устранения различных других недочетов в советском аппарате. Так, например, в Саратовской губ. прокурорским надзором поставлены были следующие вопросы в уколах и уиках:

В уколах — О борьбе с бюрократизмом, растратами и долж. преступлениями. О даче директив волкомам по вопросам борьбы с преступностью. О проведении законов по защите интересов бедноты. О качественном уровне следователей. О состоянии домзака.

В УИК'ах — О ревзаконности в волостях. О правильности назначения и работы сельисполнителей. Об увязке работы прокуратуры с соворганами. О состоянии следаппарата.

В профбюро — О борьбе с бюрократизмом.

В 1927 г. более часто, чем в 1926 г., выступления на собраниях трудящихся делались не в форме докладов, а в форме бесед и вечеров вопросов и ответов. Однако, вследствие пробела в статотчетности, точно учесть число бесед и вечеров вопросов и ответов не представляется возможным.

Отношение трудящихся к докладам прокуратуры, судя по отчетам, продолжает быть чрезвычайно внимательным. Посещаемость и активность довольно высокая.

Из приведенных выше данных о соотношении докладов на «правовые, отчетные и прочие» темы видно, что, хотя число докладов отчетного характера и по правовым вопросам составляет больший процент по отношению к общему числу докладов, тем не менее еще весьма значительная часть их приходится на доклады общего характера, при чем по большей части последние приходилось делать в силу внеплановых, часто совершенно неожиданных заданий, выбивавших из колеи плановую работу. Поэтому Прокуратура Республики предложила в большей степени использовать единственный путь к устранению подобного дергания — путь предварительного и реального согласования плана выступлений с планами агитпропов парторганизаций, с тем, чтобы планы общественно-политической работы прокуратуры периодически включались в планы соответствующей работы агитпропов.

Сохраняет свое значение и для дальнейшей работы предложение директивного письма от 5/1 1927 г. об усилении числа отчетных докладов. Доклады эти должны тщательно прорабатываться, носить конкретный характер и на конкретных итогах прокурорской работы заострять внимание масс к актуальным директивам Советской власти и Партии.

Равным образом, сохраняет свое актуальное значение и директива о том, чтобы в качестве обязательного минимума, не реже одного раза в полугодие, ставились в руководящих партийных и советских органах доклады о правовом состоянии пизовых и других звеньев советского аппарата на основании имеющихся в распоряжении Прокуратуры материалов.

Кроме того, необходимо по возможности увеличить в числе выступлений число бесед, вечеров вопросов и ответов, увеличить число выступлений на собраниях бедноты.

В большей мере, чем это делается пока, необходимо использовать собрания для выявления неблагополучных звеньев и участков борьбы за революционную законность. Материалы работ выступлений на собраниях, наряду с материалами жалоб, и должны лечь в основание тех обследований, о которых говорит резолюция III проку-

порского совещания, как о субсидиарном методе работы в деревне.

Наконец, одной из очередных задач следует считать также введение работы по выступлениям на собраниях в более строгие плановые рамки. Хотя здесь, как указывалось, по большей части имело место превышение плановых заданий, но и это нормальным считать нельзя, поскольку перебарщивание по части данной работы шло за счет невыполнения других существенных плановых заданий.

Хроника

В домовладениях вводится институт санитарных уполномоченных.

Об этом говорится в инструкции НКЗдрава и НКВД РСФСР № 253/31 от 31 августа 28 г.—«Вопр. Здравоохран.» № 18—28 г.).

На обязанности санитарных уполномоченных лежит: наблюдение за надлежащим санитарным содержанием жилых помещений, домовладений и усадеб; наблюдение за правильным их использованием в санитарном состоянии; наблюдение за заселением квартир в интересах здоровья поселяемых и избежания перенаселенности, вредно отражающейся на жилище и его обитателях; наблюдение за состоянием и развитием зеленых насаждений домовладений; сообщение домоуправлению о замеченных санитарно-технических дефектах и необходимом ремонте в домовладении в целях улучшения его санитарного состояния, в частности: отопительных приборов, вентиляционных установок, водопроводных и канализационных установок, уборных, ванн и пр., а также об устройстве новых санитарно-технических устройств; наблюдение за своевременным проведением мероприятий при возникновении в домовладении заразных заболеваний, а также содействие санитарным органам в борьбе с ними, как-то: извещение местного санврача о возникновении заразных заболеваний, изоляция больного, отправка больного в лечебное заведение, дезинфекция и т. п.

Санитарные уполномоченные домовладения имеют право: входа в жилые помещения порученного их наблюдению домовладения с 8 час. утра до 8 час. вечера в присутствии нанятеля обследуемой квартиры или комнаты; требовать через домоуправления со стороны ответственных семщиков, населяющих домовладения, выполнения правил по содержанию и использованию жилых и других вспомогательных помещений, издаваемых на основе постановлений и циркулярных распоряжений как центральных, так и местных органов; сообщать в случаях, того требующих, санитарным органам местного здравоохранения о нарушениях санитарных правил и обязательных постановлений для привлечения к ответственности виновных нарушителей.

Санитарные уполномоченные обслуживают отдельные домовладения, в которых они живут, и избираются на собраниях жильцов соответствующего домовладения сроком на 1 год.

Для записи указаний сан. уполномоченным о необходимых мероприятиях по улучшению санитарного состояния домовладений, домовладения должны иметь тетради, по записям которых

сан. уполномоченные проверяют выполнение своих предложений. О всех случаях невыполнения указаний сан. уполномоченного сообщается последним в сан. жилищное бюро, выносящее соответствующее решение.

Санврач, входящий в состав санитарно-жилищного бюро, в необходимых случаях, в пределах предоставленных ему прав, принимает соответствующие меры; сан. уполномоченные административных прав не имеют.

Указанная работа сан. уполномоченных никоим образом не должна ослаблять постоянного наблюдения и контроля за выполнением правил по содержанию жилищ и домовладений со стороны домоуправлений, которые отвечают за ненадлежащее санитарно-гигиеническое состояние жилищ в целом.

Удлинение сроков ссуд на рабжил-строительство.

Центральный Коммунальный Банк проводит в жизнь установленные постановлением ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике» сроки ссуд на рабочее жилищное строительство и размеры процентов по ним.

Применение указанных льгот производится Центральным Коммунальным Банком путем бухгалтерского перерасчета платежей по всем ссудам, выданным на рабочее жилищное строительство из специального капитала Центрального Коммунального Банка, на остаток долга после срочного на 1 января 1928 г. платежа из 1% годовых и срока ссуд до 60 лет для нового каменного и до 45 лет—для нового деревянного.

В тех же случаях, когда обеспечением ссуды является залог права застройки, указанный выше перерасчет ссуд производит при условии представления заемщиками Центрального Коммунального Банка договоров о праве застройки, если эти договоры не предусматривают соответственно удлиненных сроков, т.-е. для каменного строительства до 65 лет, для смешанного—45—65 лет, деревянного—50 лет и для достройки, пристройки и надстройки—45 лет—для каменного, 35 лет—для деревянного и 20—45 лет—для смешанного.

Оформление указанных изменений путем соответствующих надписей на договорах по ссудам Банк произведет после установления в законодательном порядке системы погашения оплаты процентами ссуд (см. § 12 пост. ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике»).

(Инф. письмо НКВД РСФСР от 13/VIII—28 г.—«Бюлл. НКВД» № 30).

Поскольку все эти задачи уже имели свое отражение в директивах НКЮ, нет надобности в издании каких-либо дополнительных циркуляров: суть не в новых циркулярах, а в проведении в жизнь уже имеющихся директив, целесообразность которых в достаточной мере доказана практикой.

Что касается отмеченных пробелов статотчетности, то они учтены при переработке статотчетности.

Н. Лагозер.

Милиция освобождена от обязанности свидетельствовать надписи на справках, выдаваемых арендаторами и владельцами домов.

НКВД РСФСР освободил милицию от обязанностей по свидетельствованию подлинности надписей арендаторов и владельцев домов на удостоверениях, справках и прочих документах, выдаваемых указанными лицами проживающим в их домах гражданам.

В дальнейшем удостоверения, справки и прочие документы по вопросам, входящим в круг ведения домоуправлений и указанным в постановлении ВЦИК и СНК от 27 сентября 1926 г. («С. У.» 1926 г., № 64, ст. 497), гражданам, проживающим в домах, находящихся в ведении арендаторов и владельцев, должны выдаваться самими арендаторами и владельцами за их ответственностью в правильности выдаваемых ими документов.

Для оформления вышеуказанных справок и документов арендаторы и владельцы домов могут иметь соответствующие печати без государственного герба, применительно к печатям, находящимся в пользовании жилищно-арендных и жилищных товариществ.

В случае необходимости получения удостоверений, справок или других документов самими владельцами и арендаторами, такие справки и документы должны выдаваться органами милиции.

(Цирк. № 296 от 29 авг. 28 г.—«Бюлл. НКВД» № 32—28 г.).

Раз'яснения по сельхозналогу.

НКФин СССР раз'яснил:

К числу стихийных бедствий в пчеловодных хозяйствах относится болезнь пчел и значительное понижение медосбора.

При наличии указанных выше стихийных бедствий сельсоветы должны составить соответствующие акты в порядке § 323 инструкции по с.-х. налогу от 5 мая 1928 г.

Если вследствие выемки меда не представляется возможным непосредственно установить размер медосбора, то последний определяется по показаниям односельчан и имеющимся в распоряжении сельсовета сведениям.

Размер скидки в каждом отдельном случае определяется районными или волостными налоговыми комиссиями в порядке § 329 инструкции к положению о с.-х. налоге, т.-е. в зависимости от размера общего ущерба, понесенного хозяйством и мощностью пострадавшего хозяйства.

(Цирк. № 6 от 2 октября 28 г.—«Изв. НКФ» № 2—28 г.).

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Содержание: ЦИРКУЛЯР ВЦИК и СНК.—Директивное письмо.—ЦИРКУЛЯРЫ ННЮ №№ 146, 147, 149 9, 151 и 152.

Циркулярно.

Всем краевым, областным и губернским исполнительным комитетам.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет имеет целый ряд сведений о том, что в различных местах РСФСР до сих пор еще существует задержка в выплате содержания работникам просвещения. Такие явления наблюдаются в Нижегородской, Калужской губерниях, в Сибири, на Северном Кавказе, в Сталинградском округе и т. д. Задолженность продолжается в ряде случаев в течение нескольких месяцев. В результате работники просвещения в этих случаях находятся в чрезвычайно тяжелых материальных условиях.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет неоднократно в отдельных случаях указывал на недопустимость такого положения и в настоящий момент вновь обращается ко всем исполнительным комитетам с категорическим предложением: 1) принять самые решительные меры к ликвидации имеющейся задолженности; 2) ни в коем случае не допускать образования таковой впредь, и 3) во всех случаях несвоевременной выплаты содержания работникам просвещения привлекать к ответственности должностных лиц, последствием улучшения со стороны которых явилась эта невыплата.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета М. Калинин.
Секретарь Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета А. Киселев.
Зам. Председателя Совета Народных
Комиссаров РСФСР А. Смирнов.

31 октября 1928 г.

Всем краевым, областным и губернским прокурорам.

Директивное письмо.

Об усилении работы прокуратуры по общему надзору.

Ноябрьский пленум ЦК особо подчеркнул роль и значение революционной законности в деле поднятия производительных сил крестьянского хозяйства.

«Ближайшее отношение к вопросу об усилении стимулов хозяйствования и улучшения форм воздействия на крестьянское хозяйство,—читаем мы в резолюции по докладу тов. Рыкова,—имеет вопрос о рев. законности. Без этой последней, без упорядочения и строгого проведения заранее известных населению норм не может быть уверенности в ведении хозяйства, хозяйственного расчета индивидуального плана, т. е. не может быть роста производительных сил крестьянского хозяйства.

Вопрос о революционной законности вовсе не случайно был выдвинут жизнью, ибо рев. законность вызывается хозяйственной необходимостью. С этой точки зрения такое же значение имеет и большая продуманность и большая устойчивость хозяйственных директив, обеспечивающая индивидуальному производителю возможность известного хозяйственного расчета.

Это постановление еще раз с особой настойчивостью ставит вопрос о революционной законности, который является основной задачей работы по общему надзору.

Своевременность такой постановки вопроса подтверждается всей практикой работы отдела общего надзора Прокуратуры Республики. Многочисленные материалы показывают, что на местах до сих пор встречается ряд серьезных искривлений основной линии Партии и Правительства по целому ряду мероприятий, затрагивающих самые настоящие интересы основной массы крестьянства.

К этим искривлениям надо отнести в первую очередь незаконность, наблюдаемую на практике в области взимания сельхозналога и самообложения.

Обычным недостатком при проведении с.-х. налога является:

а) исключение окладов налога в индивидуальном порядке для таких хозяйств, которые в силу ст. 28 «Положения», под такое обложение не подходят;

б) несоответствующее действительному положению вещей повышенное исключение доходов от неземледельческих заработков;

в) применение штрафов за сокрытие объектов обложения в 10-кратном размере в ряде случаев по отношению к хозяйствам маломощным, что приводит эти хозяйства нередко к полному разорению (в результате расследования, произведенного Льговской окружной прокуратурой по предложению

Прокуратуры Республики было произведено снижение налога ряда окладов налога, доходящее до 100 и выше процентов); аналогичных примеров имеется немало.

Такая же незакономерность наблюдается при проведении самообложения. Здесь основным недостатком является широкое применение прим. к ст. 10 зак. о самооб., предоставляющее сельсоветам право повышения оклада самообложения для особо мощных крестьянских хозяйств. В некоторых случаях процент самообложения (предел по закону 35%) был повышен до 2000—3000%. Чаще всего это повышение не имеет под собой никакого экономического обоснования и является результатом неправильно понятого смысла закона, толкования его, как способа раскулачивания. Применение такого рода самообложения к середняцким хозяйствам неизбежно приводит к разорению, что совершенно противоречит основной установке Партии. (В Россошанском округе Ц. Ч. О. на 1927—28 г.г. с кр. Скрыпинка причислялось сельхозналога 42 р. 21 к., между тем на него первоначально было наложено 100% самообложения—42 р., затем он был обложен в 158 р. и, наконец, в 500 руб. Все эти обложения оказались необоснованными и были, по предложению Прокуратуры Республики, местной прокуратурой опротестованы).

Чрезвычайно серьезные нарушения револ. законности встречаются также в деятельности органов землеустройства. Наблюдение прокуратуры за административными органами, ведающими землеустроительным делом и за земельными комиссиями совершенно недостаточно. Между тем, целый ряд вопросов, рассматриваемых в этих органах, теснейшим образом связан с развитием производительных сил в сельском хозяйстве. Мероприятия по переходу на многополье, устранение дальних земель, чересполосицы, организация выселков, с.-х. товариществ, коллективных хозяйств и проч. до сих пор встречаются на практике с беспримечной волокитой и рядом грубейших нарушений законов. Нередки случаи, когда земельные органы приступают к землеустройству без предварительного обследования землеустроительного участка, без выяснения действительной нужды населения. В результате проведенное бюрократическим путем землеустройство вызывает недовольство земельных обществ, порождает затяжные земельные процессы, влечет за собой отмену состоявшихся решений землеустроительных органов, бесцельную трату средств и несомненно задерживает развитие сельского хозяйства.

Деревня страдает также от незакономерностей при землепользовании, которые приводят зачастую к заключению деревенской беднотой кабальных сделок с кулаками, к огромным перациональным тратам средств вследствие возведения построек на спорных земельных участках. Следует также отметить систематическое дробление сельских хозяйств, как следствие нецелесообразных семейно-имущественных разделов, производимых земельными комиссиями.

Совершенно не палажено до сих пор еще социальное страхование сельско-хозяйственных рабочих, и нередки случаи, когда на избранных по соцстраху сумм батракам приходится самая незначительная часть. (Один из делегатов на съезде сельско-хозяйственных рабочих сообщил, что из 1500 руб., собранных в деревне по соцстраху, батракам выдано 7 рублей).

Искривление линии Партии при распространении крестьянского займа и хлебозаготовительных кампаний наблюдается до сих пор, несмотря на категорические указания.

При распространении облигаций займа укрепление крестьянского хозяйства до сих пор наблюдаются случаи принудительного размещения, при чем иногда это размещение носит явный, открытый характер, а иногда проводится под видом увеличения окладов самообложения.

При хлебозаготовительной кампании наблюдались случаи, когда отдельные уполномоченные поготовкам с ведома властей прибегали к арестам и полному разорению отдельных хозяйств.

Практика отдела общего надзора Прокуратуры Республики знает также многочисленные случаи игнорирования со стороны местной власти законных прав и льгот, предоставленных семьям красноармейцев, пивалидам гражд. войны и семьям убитых на войне. К сожалению, не всегда эти права находят свою защиту в органах прокуратуры—волокита, формальный подход и бюрократизм являются непреодолимым тормазом при разрешении этих вопросов.

В настоящих условиях в связи с обострением классовой борьбы в деревне приобретает особенное значение активное наблюдение прокуратуры за деятельностью избирательных комиссий.

Практика Центр. Изб. Ком. знает бесчисленный ряд случаев самого грубого нарушения избирательного закона. Нередко в список лишенцев включают тех, кто имеет безусловное право участвовать в выборах и исключают тех, кто этого права не имеет и иметь не может. [В Смоленской губернии лишен избирательных прав крестьянин, отец которого торговал до 1905 г., сын же его погиб в Красной армии, второй сын демобилизован, а третий служит в армии и сейчас. В Костромской губернии крестьянин, стоящий во главе райсоюза сельскохозяйственной кооперации, представленной на Всесоюзный конкурс, имеющий прекрасные отзывы о своей работе (в губернской печати и от фракции губсоюза), лишен избирательных прав, «как недостаточно доказавший лояльность». Крестьянин, служивший до 1922 г. в Красной армии, потом на выборных должностях, в прошлом году лечился в губернском городе, где купил для своих односельчан на 68 рублей мауфактуры, лишен избирательных прав, тогда как сельсовет удостоверяет «никогда не торговал и не торгует, наемным трудом не пользовался и не пользуется»].

Состав сельских избирательных комиссий не везде обеспечивает возможность проведения правильности линии Партии. В Тульской губернии в состав комиссии вошли крестьяне, платящие 150—250 рублей сельхозналога. В двух комиссиях нет ни одного бедняка, освобожденного от налога, в 18 комиссиях—всего два батрака. В селе Побочном Нижне-Волжского края, в избиркоме имеется арендатор мельницы. В Киреевской сельизбирательной комиссии Рязанской губ. сидит быв. помещик, в Клин-Бильдинской—лишенный избирательных прав, в Крутицкой—жена кулака и председатель церковного совета. В Борисоглебской волости, Ярославской губернии—дочь попа и член церковного совета.

Обращая ваше внимание на наиболее слабые участки нашей деревенской работы, Прокуратура Республики считает необходимым для строгого и неуклонного проведения начал революционной законности согласно резолюции ноябрьского пленума ЦК усилить все отрасли работы по общему надзору, обратив особое внимание:

1) на борьбу с скрытыми формами нарушений в области национализации земли и трудового землепользования, как-то: продажа строений по чрезмерно высокой оценке, фиктивная аренда и пр., а равно на ускорение производства дел об этих нарушениях;

2) на участие в работе земельных комиссий с целью защиты интересов маломощного крестьянства;

3) на дальнейшее продолжение и углубление работы по выделению недочетов при взимании сельхозналога в соответствии с директивами, содержащимися в циркуляре № 35/с от 26 октября с. г.;

4) на неуклонное проведение директив о хлебозаготовках;

5) на ближайшее и самое активное участие в текущей избирательной кампании, обратив особое внимание на правильное составление избирательных списков и проведение избирательных и предвыборных собраний (цирк. «Е. С. Ю.» № 36/37);

6) на недопущение каких-либо нарушений предоставленных красноармейцам и их семьям льгот;

7) на всемерную защиту интересов батраков, занятых в кулацких хозяйствах (циркуляр НКЮ № 190 от 1 ноября 1927 г. и № 33 от 1 марта 1928 г.).

Только при неуклонном проведении всех мероприятий, намеченных перечисленными директивами Прокуратуры Республики по общему надзору, может быть выполнена ответственная задача соблюдения революционной законности, как меры хозяйственной необходимости, продиктованной резолюцией Ноябрьского пленума ЦК ВКП (б).

Прокурор Республики Крыленко.

Пом. Прокурора Республики Нюрина.

17 декабря 1928 г.

Циркуляры НКЮ.

Циркуляр № 146.

Краевым, областным и губернским прокурорам.

Копия: прокурорам автономных республик.

Об усилении надзора за недопущением муниципализации строений.

Несмотря на то, что все установленные законом сроки для оформления муниципализации строений истекли, в ряде местностей до сих пор возбуждаются вопросы о муниципализации строений.

Декретом Совета Народных Комиссаров от 10 апреля 1926 г. («С. У.» № 22—1926 г., ст. 173) вменено в обязанность местным прокурорам установить наблюдение за точным соблюдением установленных сроков и опротестовывать все без исключения постановления об утверждении муниципализации, если они будут выноситься по истечении указанных в законе сроков.

Из проходящих через Центральную Прокуратуру жалоб усматривается, что местные органы прокурорского надзора недостаточно внимательно относятся к разрешению жалоб на муниципализацию строений.

Это положение подтвердилось и обследованием практики муниципализации и демунципализации домовладений на Северном Кавказе, произведенным Правительственной Комиссией.

Президиум ВЦИК 17 сентября с. г. (протокол № 72, п. 6) утвердил проект циркуляра центральным исполнительным комитетам автономных республик, краевым, областным и губернским исполнительным комитетам о недопустимости новой муниципализации строений (в том числе и муниципализации строений, в свое время демунципализованных), «как противоречащей в корне всему курсу современной жилищной политики Советской власти».

Президиум ВЦИК допускает возможность удовлетворять в отдельных случаях лишь те ходатайства, в которых идет речь об оформлении своевременно (до 22 мая 1922 г.) произведенного изъятия определенного домостроения. При этом под своевременно произведенным изъятием строений следует понимать отнюдь не издание общего распоряжения о муниципализации домостроений в определенной местности, а лишь фактическое изъятие строения, или наличие специального постановления местной власти о муниципализации данного строения.

Прокуратура Республики предлагает тщательно проверять жалобы на муниципализацию и при разрешении их неуклонно иметь в виду изложенные выше указания Президиума ВЦИК, немедленно опротестовывая постановления, несогласованные с этими указаниями.

Прокурор Республики Крыленко.

Пом. Прокурора Республики Нюрина.

20 ноября 1928 г.

РАЗ'ЯСНЕНИЕ

Наркомвнудела РСФСР № 394 и Наркомюста РСФСР № 147.

Об оплате жилых помещений в железнодорожных домах, находящихся в полосе отчуждения.

Народный Комиссариат Внутренних Дел и Народный Комиссариат Юстиции разъясняют, что оплата жилых помещений в принадлежащих железным дорогам домах, находящихся в полосе отчуждения, должна взиматься по ставкам, предусмотренным постановлением ВЦИК и СНК от 14/V—28 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» («С. У.» за 1928 г. № 53, ст. 402), если даже полоса отчуждения, в которой эти дома расположены, находится на территории сельской местности.

Циркуляр НКВД № 32 от 26 января 1927 г. «О квартплате в сельских местностях» («Бюллетень НКВД» за 1927 г. № 4) на железнодорожные дома, находящиеся в полосе отчуждения, не распространяется.

Народный Комиссар Внутренних Дел Толмачев.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

20 ноября 1928 г.

Циркуляр № 149/9.

Всем краевым, областным и губернским судам и прокурорам тех же наименований.

О назначении иных мер социальной защиты взамен краткосрочного лишения свободы, в развитие постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26/III 1928 года.

Циркуляром НКЮ и НКВД от 30 июля 1928 года было предложено распредкомиссиям и судам провести в срочном порядке ряд мероприятий в отношении замены лишения свободы принудительными работами лицам, осужденным на краткие сроки и не принадлежащим к преступникам-профессионалам и к классово-чуждым элементам, а равно о снятии строгой изоляции.

В настоящее время работу, произведенную распределенными в отношении лиц, находящихся в местах заключения, надлежит считать законченной, но, имея в виду, что суды и в настоящее время нередко применяют лишение свободы за маловажные преступления, а также в целях большей увязки и контроля за деятельностью судов, в дальнейшем замена лишения свободы принудительными работами должна производиться исключительно судебными органами с соблюдением нижеследующих правил:

1. Суды при вынесении обвинительных приговоров, руководствуясь указаниями директивного письма НКЮ и Верховного суда о карательной политике от 20 августа 1928 г. («Е. С. Ю» № 33), не должны применять краткосрочного лишения свободы (менее одного года), кроме случаев крайней необходимости и только в отношении преступников-профессионалов и классово-чуждых элементов, особо мотивируя это во всех остальных случаях, и назначать взамен лишения свободы иные меры социальной защиты.

2. Кассационные инстанции при рассмотрении поступающих к ним дел должны строго следить за выполнением вышеизложенного требования и в случае назначения судом I инстанции краткосрочного лишения свободы, заменять его принудительными работами и другими мерами.

3. Органы прокурорского надзора должны как путем проверки судебных производств, так и путем систематической проверки лиц, содержащихся в местах заключения, наблюдать за выполнением судами вышеизложенных правил и обжаловать вынесенные с нарушением их приговоры в порядке кассации или надзора.

4. Замена лишения свободы принудительными работами распределенными в дальнейшем применяться не должна и циркуляр НКЮ и НКВД от 30 июля 1928 года и циркуляр Верховного суда за № 7 от 29 августа 1928 г. надлежит считать утратившими свою силу.

Председатель Верховного Суда РСФСР **Стучка**.
Прокурор Республики **Крыленко**.

23 ноября 1928 г.

Циркуляр № 151.

Всем край., обл., окр., и губпрокурорам.

Копия—прокурорам автономных республик.

О результатах проведения в жизнь мероприятий по усилению ответственности за нарушения законодательства о труде.

Циркуляром НКЮ, НКТ, НКРКИ, и НКВД РСФСР от 29 июля 1928 г. за № 209 об усилении ответственности за нарушение законов по охране труда,—на органы прокуратуры было возложено выполнение ряда задач в области борьбы с нарушением трудового законодательства и указаны те мероприятия, которые прокуратура должна была провести в жизнь в целях осуществления указанных задач.

К настоящему времени должны были быть достигнуты определенные результаты этой работы, а равно и выявлены дефекты законодательства и организационного характера, которые препятствовали достижению благоприятных результатов.

Получение сведений о результатах проделанной работы в этой области необходимо, в целях разработки Прокуратурой Республики мероприятий, которые устранили бы наблюдающиеся дефекты.

В виду этого и в соответствии с пунктом 6 (последний абзац) циркуляра за № 209 предлагается выслать подробные сведения, характеризующие вашу работу по выполнению указаний этого циркуляра, и, в частности, сообщить:

1. Что было вами предпринято и в чем выразилось ваше участие в борьбе с несчастными случаями и по наблюдению за выполнением договоров между органами НКТ и хозорганами по вопросу оздоровления условий труда (п. 1 циркуляра № 209).

2. Что вами было предпринято в отношении изучения работы института труда по привлечению к ответственности за нарушение законодательства о труде (п. «д» ст. 143 КЗоТ) и по выпрямлению линии этой работы (п. 2 того же циркуляра).

3. Каковы результаты вашей работы по изучению судебных дел о несчастных случаях, а также дел, начатых инспекцией труда и прекращенных до суда, и каковы результаты тех мероприятий, которые вами были приняты в связи с указанным п. 3 циркуляра № 209.

4. Какое место имели случаи, предусмотренные п. 4 циркуляра за № 209, и ваши меры борьбы с ними.

5. В каком объеме приняли участие в проведении в жизнь указаний циркуляра за № 209 органы НКТ, РКИ и НКВД, в чем это участие конкретно выразилось и наблюдались ли случаи несогласованности с прокуратурой действий этих органов (п. 5 циркуляра № 209).

Помимо сведений о проделанной работе, необходимо также представить свои соображения и выводы, как объясняющие данное состояние этой работы, так и направленное к ее улучшению.

Указанные сведения должны быть представлены к 20 декабря 1928 г.

Прокурор Республики **Крыленко**.

Пом. Прокурора Республики по трудовым

делам **Стопани**.

4 декабря 1928 г.

Циркуляр $\frac{\text{НКЮ № 152.}}{\text{Н/Торга № 226/5, 459/285.}}$

Всем крайвым, областным и губернским прокурорам, судам и торговделам.

Копия: наркомторгам и наркомюстам автономных республик.

На основании ст. 7 постановления СНК РСФСР от 9 ноября 1928 года о гарницевом сборе Народные Комиссариаты Юстиции и Торговля, разъясняют:

1. Владельцы и арендаторы мельничных предприятий за невзимание натуральной платы за помол зерна привлекаются к уголовной ответственности по ст.ст. 16 и 105 части 1-й Уголовного Кодекса.

2. Те же лица, взимавшие помолплату в натуре, но сдавшие ее указанным им торговделом заготовительным организациям, подлежат ответственности по 168 ст. Уголовного Кодекса.

3. За сдачу в качестве гарницевого сбора зерна несоответствующей кондиции с явно выраженными мошенническими намерениями, устанавливается ответственность по 2 ч. 169 ст. Уг. Код.

4. Заведующие государственными и кооперативными мельницами за нарушения, указанные в п.п. 1—3 настоящего циркуляра, несут ответственность, как должностные лица, по соответствующим статьям Уголовного Кодекса.

Наркомюст **Н. Янсон**.

Зам. Наркомторг РСФСР **Чухрита**.

4 декабря 1928 г.